

Метео-чертик. Труды и дни

Рукописная книга-дневник,
созданная в Карлаге,
и история жизни ее автора —
Ольги Михайловны Раницкой

ББК: 84(2Рос=Рус)6-4
УДК: 821.161.1-09

Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
Новая газета

Метео-чертик. Труды и дни.
Рукописная книга-дневник, созданная
в Карлаге, и история жизни ее автора —
Ольги Михайловны Раницкой

Издание второе

Этот рукописный дневник размером с ладонь был создан заключенной Карлага в 1940-е годы. Маленькую книжечку она посвятила своему сыну Сашке, для него рисовала веселые картинки и сочиняла двустихия о лагерной жизни. Волею судеб не суждено было этой книжечке встретиться с Сашкой, но она не пропала, ее сберегли. Эта «история в картинках» стала вещественным доказательством удивительной судьбы ее автора — Ольги Раницкой, сумевшей сохранить поэзию и любовь к жизни в тяжелейших обстоятельствах.

ISBN 978-5-6043357-7-2

Содержание

Предисловие	7
«Книжечка». Серия публикаций в «Новой газете»	16
Дело № 547 по обвинению Раницкой Ольги Михайловны, 1905 г.р.	44
Анкета арестованного	
Протоколы допросов	
Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР	
«Метео-чертик. Труды и дни». Факсимиле	97
Постраничные аннотации к Книжечке	
Карлаг	218
Карагандинский исправительно-трудовой лагерь	
Коктункульское отделение Карлага	
Метеосеть Карлага	
Реабилитация	232
Письмо К. Е. Ворошилову	
Постановление Военного трибунала Киевского ВО о пересмотре дела	
Воспоминания об О. М. Раницкой	250
Воспоминания Э. Н. Айтакова	
Воспоминания сестер Ткаченко	
Воспоминания В. Д. Ивановой	
О. М. Раницкая. Стихотворения	276
Вместо послесловия	304

Deus conservat omnia

«Документы уничтожить» — так звучало постановление из дела Ольги Михайловны Раницкой.

«Документы» — это личные вещи, как у каждого из нас: книги, письма, негативы, фотографии, тетради с записями и блокноты. Они были изъяты при обыске, но никак «не изобличали обвиняемую Раницкую».

В русском XX веке из жизни вычеркивались миллионы людей. Вне зависимости от меры наказания — расстрел или заключение — обязательным условием было уничтожение свидетельств существования арестованного человека и памяти о нем.

В XXI веке мы многое вспомним и узнаем, ведь «Бог сохраняет все» — Deus conservat omnia — и делает Он это нашими с вами руками. Эта книга — тому подтверждение.

Роман Романов,
директор Музея истории
ГУЛАГа, руководитель Фонда
Памяти

Книжечку — на вечную память

Очень не вовремя выходит эта книга. 80-летие 1937 года отмечается у нас как-то совсем иначе... Например.

...Во Владивостоке на памятник Солженицыну повесили плакат «Иуда».

...В Петрозаводске по ложному и грязному доносу судят Юрия Дмитриева, открывшего миру тайные расстрельные ямы жертв ГУЛАГа в Сандормохе и не только.

...В Соловках выселили из монастыря, где находился первый советский концлагерь, музей СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения).

...В десятках мест возведены самопальные памятники Сталину.

...Я почему-то думаю, что и одна из причин расправы с режиссером Серебренниковым — его постановка в «Гоголь-центре» спектакля «Похороны Сталина».

Никогда, с начала века, не велась такая битва между сторонниками репрессий и антисталинистами.

Откуда вдруг такая страсть к тирании?

Рискну: а может, это и не любовь к Сталину. Это нищета и запущенность, разуверенность многих в справедливости. Ненависть к начальникам, на которых «простой человек» управу найти не может, а Сталин бы за них заступился. За бедность, унижение, слезы. Миллионы наших сограждан после облучения телевизорами верят, что только начальников казнили команды Блохина или Матвеева (бесстрашные расстрельщики-чекисты).

И «по делу».

И «органы не ошибаются».

И «так им и надо». «Отлились им наши слезоньки».

Власть, видимо, не очень понимает, что возникшая любовь к Сталину, поиск в нем альтернативы, возведение его в спасители — это недоверие и глухая свирепость в отношении самой власти. Бессильное ожидание мести...

Зачем эта Книжечка? Для кого? Я отвечаю.

Она написана и издана для мертвых.

Для истлевших зеков на гулаговских кладбищах. Для сгинувших. Не увидевших своих детей. Проталкивающих записочки, салфеточки, обрывки ткани через щели в полах ледяных вагонов на Колыму, в Салехард, Актюбинск. А в записочках: «Дочка, не верь...», «Сын, помни...». Читайте эти записки в «Мемориале» и Музее ГУЛАГа. Они написаны нам. А мы верим, что все было как надо. А мы не помним, мы хотим забыть. До нас что, не дошли эти записочки, обрывочки, салфеточки? Ну вот, Книжечку почитайте. Зековское письмо оттуда.

Спасибо «почтальонам»: Зое Ерошок, Арсению Рогинскому, Роману Романову.

...В октябре на проспекте Сахарова в Москве откроют первый памятник жертвам сталинских репрессий. Почти 300 авторов участвовали в конкурсе. Победил прекрасный проект Георгия Франгуляна. Деньги собрали люди (меньшую часть) и дало государство (большую). Двигали эту историю президент страны, его администрация, мэрия и, конечно, «Мемориал», Музей ГУЛАГа и наша газета. В стене, по замыслу Франгуляна, которую образовали стоящие плечом к плечу зеки, есть арки, куда может встать в знак солидарности каждый.

Этот памятник и эта Книжечка нужны, чтобы... Чтобы памятник жертвам репрессий не превратился в памятник репрессиям.

Дмитрий Муратов,
главный редактор «Новой газеты»

Нам надо найти фотографию автора

Хорошо помню тот субботний день восьмилетней давности, когда в редакцию с проходной позвонил офицер МЧС и сказал, что его мама передала для меня письмо и какой-то сверток.

Прочитала письмо, развернула сверток... Офицер тоже растерялся: «Я только сейчас понял, что привез. Поверьте, мама ничего мне не сказала, просто велела вам лично передать».

В свертке оказалась Книжечка из ГУЛАГа, которую вы сейчас держите в руках.

Инна Николаевна Труфанова из города Верхняя Пышма Свердловской обла-

сти писала мне, что ее мама, Ольга Александровна Журид, вынесла эту Книжечку из Карлага в 1946 году. И всю жизнь сильно берегла ее и говорила с нежностью: Олечкина... Кто такая Олечка, поначалу было совсем непонятно.

Страна людей откликнулась на первую публикацию о Книжечке в «Новой» сразу.

Кто-то писал письма, кто-то приходил в редакцию. Хотя история эта все равно оставалась загадочной, таинственной и запутанной.

На первой странице Книжечки изящным почерком наискосок написано: «Посвящаю сыну Сашке, которого со мной нет». И дата — 19 февраля 1941 года.

Инна Николаевна Труфанова в телефонном разговоре сказала, что автором Книжечки может быть Ольга Михайловна Раницкая, на одной из страниц среди метеосводок мелькает эта фамилия. И что Раницкая

(если это, конечно, она) умерла в лагере в 1942 году.

Значит, надо искать не Раницкую, а ее сына Александра, который наверняка не знает о существовании этой Книжечки. Но никаких следов ни самой Раницкой, ни ее сына обнаружить нам никак не удавалось.

И вот в редакцию приходят братья-близнецы Айтатовы (два рослых красавца по семьдесят восемь лет, хирурги с мировым именем — Эдуард и Зелили) и рассказывают, что их мама просидела в Карлаге шестнадцать лет, и в 1945 году, когда братьям было по четырнадцать лет, маме разрешили забрать сыновей к себе в лагерь, и там они познакомились с Ольгой Михайловной Раницкой, она работала на метеостанции.

А еще спустя какое-то время в Израиле находятся — и это была такая радость! — близкие родственники Ольги Михайловны Раницкой: племянница, дочь родного брата

Инна Александровна Ногович и ее дочь Наташа. Они присылают в редакцию длинные письма, мы часами говорим по телефону. Я много узнаю об Ольге Михайловне (это все-таки она!), о ее жизни и судьбе.

В 1942 году единственный сын Раницкой, Александр, повесился, не выдержав жестоких насмешек одноклассников. Над ним издевались, потому что его мама сидела в лагере. Саше было шестнадцать лет. Ольга Михайловна через Книжечку продолжала писать свое письмо сыну, не зная о его гибели. Потом в лагерь приехала ее мама и все рассказала. На этом месте в Книжечке — обрыв. Остались пугающе чистыми уже пронумерованные страницы.

...Наш поиск продолжился. Мы рассылали письма-запросы — в поисках информации об Ольге Михайловне Раницкой в пятнадцать официальных инстанций России, Украины, Казахстана.

Сначала три месяца не было никакой реакции. И еще два месяца из различных государственных учреждений (МВД, ФСБ, госархивов и так далее) приходили ответы: нет сведений, не значит, не обнаружено...

Все опять упирается в какую-то невидимую стену. Или как будто стерто ластиком.

И вот наконец получаем ответ и от официальных лиц. Начальник — на тот момент, в 2010 году — Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Василий Степанович Христофоров сообщает нам, что Центральный архив ФСБ России «архивными материалами в отношении О. М. Раницкой не располагает». Но Христофоров, насколько я поняла, сам, по собственной инициативе послал запрос в Комитет национальной безопасности Казахстана и в службу безопасности Украины. И хотя, как выяснилось, дело «заключенной Раницкой

О. М. № 169598 в связи с истечением срока хранения уничтожено по акту 30.10.1960 года», были найдены архивные справки, составленные по материалам уголовного дела. Благодаря этим справкам узнаем много подробностей об аресте и заключении Ольги Михайловны Раницкой. В частности, о том, что 12 августа 1946 года она была освобождена из лагеря.

...У них украли сущность.

Какими они должны были быть по замыслу главного упыря?

Незрячими и немыми. Жалкими и униженными. Забитыми и забытыми. Просто физической субстанцией. Чтоб ничего человеческого — ни чувств, ни мыслей, ни желаний, ни мечты, ни прав. Только одна способность — бояться и испытывать боль.

Территория индивидуального, автономного, частного, отдельного не просто

сводилась к минимуму, а исчезала совсем и, казалось, навсегда.

Тем более ничто не предусматривало рождения рисунков и стихов. За найденные у лагерника обрывки бумаги и огрызок карандаша почти неминуемо следовал расстрел. Конечно, О. М. работала на метеостанции, условия более вегетарианские, чем в бараке, но если бы нашли эту Книжечку...

Ее рождение в аду — форма неповиновения, бунт. Бунт не только и не столько политический, скорее — эстетический.

«Эстетика индивидуума никогда целиком не сдается на милость трагедии, личной или национальной», — сказал поэт.

Какой линией обороны могла располагать невольница и пленница Ольга Михайловна Раницкая? Мы знаем, какую она выбрала: взять в руки карандаш и перо и тушь и рисовать, и писать.

Качество рисунка. Качество слова. И через них — сильная точная позитивная эмоция.

Ольга Михайловна Раницкая — это красота и свет, благородство и сдержанность, чистота и твердость, человеческая цельность и совесть, душевное здоровье и уравновешенность, чувство юмора, ирония и самоирония.

Очень жаль, что нам до сих пор нигде не удалось обнаружить ни одной фотографии Ольги Михайловны. Все, кто знал ее, даже в глубокой старости, говорят о какой-то несравненной, невозможной, зашкаливающей красоте.

Но мы не оставляем стараний, продолжаем искать новые сведения о Раницкой, и я верю, что и фотографии О. М. обязательно найдем.

Среди читательских откликов на первую публикацию Книжечки в «Новой газете»:

«Вот когда у нас начнут ставить памятники этой Книжечке, только тогда появится надежда на... задумался и не могу подобрать слово, на что?»

«Я своих сыновей в лагерные места свозил. Думаю, вертухаев из них не получится».

«Книжечка» — интереснейший документ эпохи, и, по-моему, его нужно издать массовым тиражом и разослать бесплатно во все школы, детские учреждения и даже детсады. Документ этот того же ряда, что и «Дневник Анны Франк».

Для созревания зла удобряется почва. Вот и сегодня нам опять дают понять: чтобы выжить, надо ходить строем и петь хором.

Но мы уже знаем: в настоящей трагедии гибнет не солист — гибнет хор.

А правда — даже сказанная очень тихо — не перестает быть правдой.

Правда в Книжечке — не уклончивая, не между строк. Она очень внятная и очень отчетливая.

И мы должны быть на уровне этой правды.

Где-то я прочитала недавно: «...перевернуть вросшие в землю булыжники персональной боли и сделать так, чтобы под ними текла живая вода. Если получится».

У Ольги Михайловны Раницкой — получилось.

И у нас должно получиться.

Я миллион раз говорю «спасибо» всем людям, благодаря которым эта Книжечка увидела свет.

Прежде всего, конечно, низкий поклон самой Ольге Михайловне Раницкой — за создание Книжечки. Для нее это было вроде бы просто — на просто письмом сыну, очень частным делом, делом ее характера, ее личности.

А стало взглядом на историю ГУЛАГа «в свете совести и культуры». И именно в кон-

тексте культуры эта маленькая Книжечка приобретает объемность и перспективу.

Спасибо безмерное Ольге Александровне Журид — за то, что жизнью рискуя, вынесла Книжечку из лагеря и потом так бережно ее хранила.

Огромное спасибо Инне Николаевне Труфановой, которая «опекала» Книжечку после смерти матери, возила ее за собой, боясь потерять, повсюду, например в Норильск, где какое-то время жила. За то, что прислала своего сына, чтобы передать Книжечку мне, — отдельное спасибо.

Арсению Рогинскому, председателю Международного общества «Мемориал», спасибо за то, что помогал в поиске следов Ольги Михайловны, и за то, что первым мне сказал, что в музеях есть блокнотики, где заключенные от руки переписывали стихи Ахматовой и Гумилева, есть знаменитые рисунки

Ефросинии Керсновской, но она создавала их уже после лагеря, а такой Книжечки, как у Раницкой, нет ни у нас в стране, и нигде в мире, она абсолютно уникальна.

Василию Степановичу Христофорову я бесконечно благодарна, потому что без него мы, наверное, и по сей день не имели бы никаких официальных данных об Ольге Михайловне Раницкой.

Директору Музея истории ГУЛАГа Роману Романову и всей его замечательной команде — спасибо за продолжение поиска, за исследовательскую и расследовательскую работу и за издание этой книги.

Мне кажется очень важным: она живая, эта Книжечка.

Теперь, надеюсь, уже навеки живая.

Зоя Ерошок, обозреватель «Новой газеты»

«Книжечка»

В 2009 году обозревателю «Новой газеты» Зое Ерошок был передан уникальный артефакт — рукописный дневник, маленькая книжечка с рисунками и двестишиями, созданная в 1941–42 годах заключенной Карлага Ольгой Раницкой. Серия публикаций в «Новой газете» помогла восстановить биографию автора Книжечки.

[Серия статей печатается с сокращениями]

Автор — Зоя Ерошок

Мне позвонил человек. Сказал, что приехал с Урала. Его мама передала для меня письмо и какой-то сверток. Я сказала: «Оставьте на проходной». Он: «Нет! Мама сказала отдать вам в руки».

В свертке была книжечка. Маленькая, с ладонь. Похожая на молитвенник. Обложка комбинированная: частью — просто кожа, частью — кожа змеи. Внутри прошитые суровой ниткой страницы, бумага плотная, что-то типа картона или ватмана, ну знаете, раньше на такой плакаты рисовали — «Слава КПСС!». Сто четырнадцать страниц.

Из письма: «Прочитала Вашу публикацию «Салфеточка»* и, как пишут в романах, не могла не откликнуться».

Дело в том, что с 1938 по 1946 год моя мама Журид Ольга Александровна пробыла в Карлаге, в отд. № 16 — Коктункуле. <...>

Так вот, посылаю Вам еще один «вещдок» — маленькую самодельную книжицу, мамину реликвию, которую я тоже берегла всю жизнь. Она сделана не мамиными руками — в Коктункуле вместе с мамой работала метеоролог... Очень светлая была женщина, так вот: она делала эту книжечку для своего сына, но... не успела. Когда ее не стало, этот символ материнской любви остался у моей мамы, а я его, естественно, сберегла. Давно хотела ее Вам переслать, но уже хожу плохо, до почты не дойти, а после Вашей статьи поняла, что нельзя,

* В этой публикации (спецвыпуск от 25 февраля 2009 г.) рассказывалась история о том, как в 1938 году мама из колымского лагеря передала своей пятилетней дочке маленькую, из тонкого белого полотна, всю в кружевах, салфеточку, и как эта реликвия стала вещдоком.

чтобы такие вещи ушли с нами, и вот сейчас, пользуясь оказией (какое смешное, забытое слово, правда?), пересылаю Вам. <...> Труфанова Инна Николаевна, 1932 г. р., г. Верхняя Пышма Свердловской области».

Карлаг — Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Территория Карлага — два миллиона гектаров. Не просто лагерь. Государство в государстве: реальная власть, оружие, свои транспорт, почта, телеграф.

К 1953 году: 26 отделений и 200 лагерных точек. От центра (в радиусе) самый близкий лагерь — пять километров, самый дальний — 700 километров.

В центре (Долинка) размещался 3-й отдел (потом его переименовали в 1-й). Это тюрьма в тюрьме. Здесь добавляли срок, пытали, расстреливали.

До 30-х годов прошлого века на той огромной территории, что станет лагерной, находились четыре тысячи юрт и 1200 немецких, русских, украинских дворов. Всех этих местных людей (100 тысяч) самым жестоким образом депортировали. Для того чтобы (насилие на насилие) выслать сюда 52 тысячи крестьянских семей. Вместе с детьми и стариками это полмиллиона человек.

Под охраной ОГПУ в сторону Караганды идут эшелоны, битком набитые крестьянами. Со всего Поволжья, начиная с Астраханской области и кончая Чувашией и Мордовией, из Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Орловской областей, с Харьковщины и Оренбурга. Крестьян везут по жарким степям в наглухо закрытых телячьих вагонах. Для всего вагона — одна туалетная бочка. В вагонах умирают люди. Покойники остаются вместе с живыми до пункта назначения.

Ольга Александровна Журид (слева) и Инна Николаевна Труфанова

По прибытии отбирают самых крепких парней и девушек. Они строят дорогу Караганда — Балхаш. Дневная норма (даже зимой) на каждого строителя — восемь тонн грунта. Инструмент — тачка, лом, кирка, совковая лопата.

За невыполнение нормы урезают паек. От голода люди падают замертво. Могилы им не копают. Кладут прямо в железнодорожную насыпь и засыпают грунтом.

Ольги Михайловны Раницкой (видимо, той самой, чью книжечку я получила, — почему «видимо», объясню позднее), скорее всего, среди этих людей нет. Она явно не крестьянка. Да и до 1941 года при таких нормах не дожила бы. Но 10 лет спустя — в 1941 году — именно в этой географической точке Ольга Михайловна Раницкая начала писать свой дневник.

Вернемся, однако, в раннюю осень 1931 года. 52 тысячи крестьянских семей привезли и бросили под открытым небом. Ни жилья, ни хлеба, ни воды. Поселили в наскоро вырытых ямах.

Летом 1931 года умерли почти все дети до шести лет. От дизентерии и голода. А тех, кто выжил (от десятилетних детей до стариков), мобилизовали на строительство земляных бараков.

Холод, голод, тиф, цинга. Учета умерших никто не ведет. При комендатурах похоронные команды собирают покойников на телеги и сваливают их во рвы.

Из каждых четырех тех крестьян выжил только один. По самым приблизительным (чертово слово!) подсчетам, здесь, в Карлаге, покоится прах примерно (простите и за это слово, но что делать, если точных данных нет) 400 тысяч крестьян и их детей. Сколько всего в Карлаге погибло людей — неизвестно.

А что планы первых пятилеток? Они были, конечно, выполнены. Заключение разработали первые шахты. Освоили тысячи и тысячи гектаров целинных земель. Создали 25 экономически крепких колхозов.

К 1953 году в Карлаге — 106 животноводческих ферм, 7 огородных и 10 пахотных участков. В совхозах рекордные урожаи капусты, огурцов, помидоров. Агроном Митрошина, осужденная на 25 лет по 58-й статье, вывела сорт картофеля «Эпикур» и получила 60 тонн с гектара. На ВДНХ в Москве демонстрировали «карлаговскую» корову по кличке Морошка: 12 тысяч литров молока в год.

Карлаг кормит армию, дает государству зерно, мясо, оружие (в военное время здесь выпускают мины М-82), одежду. Рабочая сила даже не «предельно дешевая» — дармовая. Баланда из ячменя «анютины глазки» — почти все затраты.

За украденную морковь или свеклу — расстрел. Попытки к бегству совершались часто. Все заканчивались ликвидацией.

Через Карлаг прошли, по одним данным, миллион человек, по другим — 1,5–2 миллиона. (Вдумайтесь в разрыв: миллионом больше, миллионом меньше.)

За шесть месяцев 1942–1943 гг. были госпитализированы 17 042 человека, из них умерли 3372 человека. Зафиксирована ли где-либо смерть Ольги Михайловны Раницкой в 1942 году? (По свидетельству мамы Инны Николаевны Труфановой, Раницкая умерла в 1942 году.)

Дела осужденных в лагере рассматривались без прокурора и адвоката. Сроки набавлялись сразу же. Приговор к «высшей мере социальной защиты» (расстрелу) приводился в исполнение немедленно. Обжалование и помилование не допускались. Умерла ли Ольга Михайловна Раницкая своей смертью, или была расстреляна? Мы не знаем.

Звоню в Верхнюю Пышму Инне Николаевне Труфановой. Расспрашиваю, точно ли она помнит, что автор книжечки — Раницкая Ольга Михайловна? Рассказывала ли ей мама об Ольге Михайловне? И что именно?

«В 1946 году маму освободили, и я поехала к ней туда, в Карлаг. Мне было четырнадцать лет. Поезд Москва — Караганда, до станции Жарык. Потом сорок километров тряслась на лошади до Коктенкуля. Кругом степь и лагерь (бараки, бараки, бараки).

...О ГУЛАГе мама мне ничего никогда не рассказывала, она боялась, что я стану диссиденткой, и избегала любых острых тем.

Книжечку эту я у нее увидела сразу, при выходе из лагеря. Мама говорила с нежностью: это Олечкина... Больше ничего не помню. Почему-то мне кажется, что мама говорила: Раницкая Ольга Михайловна, но в точности поручиться не могу. А еще — вы видели? — в книжечке нарисована метеорологическая смета, и там есть эта фамилия: Раницкая.

Книжечка была все время с мамой, у мамы. А после ее смерти перешла ко мне. А потом я стала бояться, что мои дети или внуки эту книжечку потеряют, и решила ее отдать Вам».

Что еще удалось узнать — через книжечку — об Ольге Михайловне Раницкой? Наш кинообозреватель Лариса Малюкова показывала ее рисунки Юрию Норштейну. Он сказал, что это талантливо и что в 20–30-е годы прошлого века в России была очень популярна комиксовая графика. О.М. наверняка была с ней знакома, без включенности в традицию не обошлось.

О.М. — образованна. Может быть, училась в дореволюционной гимназии.

Мы не знаем, сколько ей было лет. Когда всматриваешься в рисунки, вчитываешься в ее тексты, понимаешь: нет, ей не 18 и не 20 лет; есть опыт жизни и опыт личного сопротивления.

Кем О.М. была по профессии? Архитектором? Чертежницей? Художницей? Мои друзья-художники говорят: в рисунках О.М. — не просто талант, но и сила, и страсть, и жизнь; рисунки необычны, своеобразны.

На титульной странице книжечки написано: «Труды и дни». «Труды и дни» — это работа древнегреческого философа Гесиода. Читаю Гесиода, делаю выписки.

«Выпрямить сгорбленный стан». (То, что О.М. писала и рисовала в эту книжечку, помогало ей «выпрямить сгорбленный стан»?)

«Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно...» (О.М. старалась рассказывать «повесть свою» именно что хорошо и разумно, то есть без истерики, без пафоса.)

«Землю теперь населяют железные люди. / Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, / И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им».

Или, может, О.М. хотела, чтобы мы вот это прочитали: «Правду заменит кулак. <...> И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохраниль, / Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею / Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право. / Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые / Лживыми станут вредить показаньями»?!

...Начинается как письмо сыну. Но чем дальше, тем меньше детского, личного, интимно-материнского. Теперь это уже не дневник даже, а антисталинский документ. Только без упоминания, конечно, имени отца народов. (У Гесиода: «И страдает / Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду / Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших».)

Что еще О.М. зашифровала через Гесиода? («Хорошенько запомни душою внимательной вот что».) Душа внимательная: собранность, сосредоточенность, строгая внутренняя жизнь,

восстановление нравственной нормы. Или вот это: «В жизни хороший сосед приятнее почестней всяких». Такая соседка по нарам, как Журид Ольга Александровна, — это будет повыше любых почестей, сохранила книжечку, сберегла.

«Пастбище слов твоих будет без пользы». Всего по две стихотворные строчки у О. М. на каждой странице: никаких пастбищ слов, предельно кратко, сжато, емко.

И еще есть у Гесиода: о народе черных людей, о криво-судье...

Впрочем, стоп! Гесиода можно цитировать бесконечно.

Представляете, книжечке, которую я держу в руках, — 68 лет 5 месяцев и 3 дня. (На самой первой странице — наискосок: «19/II—1941 г. Посвящаю сыну Сашке, которого со мной нет».) Я воспринимаю эту книжечку как что-то живое. Учитывая, откуда она вышла, что — тоже! — пережила.

А сын Ольги Михайловны Раницкой Саша не только не видел эту книжечку, он вообще ничего про нее не знает. Если книжечке — 68 лет, то сколько же сыну О. М.? Жив ли он? Знает ли что-нибудь о своей маме? Какая у сына фамилия? Сына могли отдать в детдом, под другой фамилией. Или его на воспитание взяли родственники и начисто скрыли сам факт ареста матери.

Мы разослали письма-запросы в поисках хоть какой-то информации об Ольге Михайловне Раницкой. Ответа на сегодня не получили ни от кого.

Почти весь день провели с Арсением Рогинским, председателем Международного общества «Мемориал», пытаюсь найти следы Ольги Михайловны Раницкой. Но ни в каких архивах, ни в какой базе данных «Мемориала» ничего о Раницкой нет.

По совету Рогинского послала запросы в Службу безопасности Украины и в Государственный информационный центр МВД РФ. Почему Украина? В самом начале книжечки, буквально под первым рисунком: «Украина далека. / Мучит чортушку тоска». Украина возникает в первой же записи. Может быть, О. М. арестовали именно в Украине?

В круг поиска были втянуты и все мои друзья, приятели, знакомые. Как-то сидим большой компанией, говорим об этой книжечке, в три часа ночи полезли в интернет, чтобы найти фамилию Прокайтис. (На одном из рисунков изображен человек под этой фамилией.) И вот «Яндекс» выдает две ссылки. Первая: Прокайтис Иозас Иозо, литовец, арестован 14.06.1941 в Литве, отбывал срок в Краслаге. 1941 год!!! Но Краслаг — это Красноярский край. Не то, опять не то. Вторая ссылка: Анна Прокайтис. Подскочили, когда прочитали ее должность: наблюдатель метеостанции. Боже! Метеостанция!!! Ольга Михайловна Раницкая — где работала в Карлаге? На метеостанции! Ее персонаж — метеочертик. Но и тут — обрыв. Это Анна Прокайтис, наблюдатель метеостанции, описывает землетрясение в Ялте... 1908 года. Короче, и «Яндекс» никак нас к разгадке книжечки не приблизил.

P.S. Три месяца поисков не дали результата. Никаких следов ни Ольги Михайловны Раницкой, ни ее сына Александра. Мы продолжим расследование. Уверены, официальные ответы будут получены. Но обращаемся ко всем: пожалуйста, включитесь и помогайте! Кто что знает — подскажите, расскажите.

Дорогие читатели! Надеемся на вашу помощь. Ждем.

Продолжение следует

Автор — Зоя Ерошок

Мы разослали письма-запросы в пятнадцать официальных инстанций России, Казахстана и Украины в поисках хоть какой-то информации об Ольге Михайловне Раницкой или ее сыне Александре.

Официального ответа не получили ни от кого — ни на день публикации (прошло к тому времени три месяца поиска), ни по сей день (плюс еще два месяца).

Ну если, по одним официальным данным, через Карлаг прошло миллион людей, а по другим (опять же, официальным) — два миллиона, то что уж там одна какая-то книжечка или судьба. Но я, к примеру, считаю, что один — это уже очень много. Одна боль — очень много. Одна память — очень много. И одна памятка — очень много. И к счастью, возлюбленное Отечество как страна людей, а не как государство тоже думает так. И страна людей откликнулась сразу же.

Через неделю после публикации «Книжечки» в редакцию пришли два потрясающих красавца. Братья-близнецы. Рослые, статные. По семьдесят восемь лет. Но ощущение молодости при общении такое, что зашкаливает... Мы проговорили часов восемь–десять подряд. Теперь попытаюсь этот разговор передать в нескольких абзацах.

Эдуард и Зелили* Недирбаевичи Айтаковы. Врачи, хирурги по профессии. Эдуард — кандидат меднаук, хирург-флеболог. А Зелили — доктор наук, онколог, специалист по раку легких (за двадцать лет успешно прооперировал 4600 человек, в том числе 616 — старше семидесяти лет, это в 8–10 раз больше, чем кто-либо в мире). Мама у них

* В первом издании книги было неверно указано имя Зелили Айтакова. Приносим свои извинения.

Братья Айтаковы с мамой и бабушкой

русская. А папа — туркмен, сын рыбака, работал носильщиком, поваром, рабочим на рыбных промыслах. В 1920 году — председатель совета аула. Потом — партийная карьера. И с 1925 года — председатель ЦИК Туркмении и один из председателей ЦИК СССР. Есть куча его фотографий со Сталиным — прямо рядом.

Недирбай Айтаков был арестован в 1938 году. Приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Эдику и Зелику было по шесть лет, когда ночью пришли за папой и мамой. Арестовывал некто Доценко, начальник личной охраны отца. («Отец поцеловал Эдика, потом стал целовать меня и заплакал. До сих пор я мучаюсь из-за этой отцовской слабости. Потом рассказывали те, кто сидел с ним в тюрьме: у него были выбиты все зубы, он стонал, но когда при нем там в камере сказали, что надо немедленно доложить об этом Сталину, отец воскликнул: «Думаете, он не знает? Да он не успокоится до тех пор, пока не выпьет всю нашу кровь». Нас с Эдиком тоже должны были арестовать и отдать в туркменский детдом, там были страшные условия, мы бы не выжили, но наша русская бабушка накрыла нас с Эдиком, поднятых с постели, в одних трусиках, дрожащих от страха, так вот накрыла нас своей широкой цветастой юбкой и сказала охраннику Доценко, твердо и непримиримо глядя в глаза: «Я тебе своих басурманчиков не отдам». И Доценко сдался. Ушел (и охрану свою увел). Без нас. А бабушка сначала забрала нас к себе в Россию, а в эвакуации мы жили у тети в Ташкенте».)

Ташкент. Война. Отец расстрелян. Мама сидит в лагере. Эдику и Зелику по одиннадцать лет. В Ташкенте солдат готовят к войне. Эдик и Зелик крутятся рядом. Они оказываются в сто раз смысленнее, чем новобранцы. Командиры

иногда не выдерживают и говорят: «Эдик, Зелик! Покажите этим дуракам, как надо обращаться с автоматом, пулеметом...» И ребята показывают. Потом им на заказ пошлют генеральские формы (в шутку). И вот двенадцатилетние (уже) Эдик и Зелик будут обучать новоиспеченных солдат стрелять, собирать и разбирать автоматы, пулеметы. А однажды в клубе НКВД кто-то из гэбистов спросил: «А что это за ребята? Кто их родители?» И когда выяснилось все про маму и папу, разжаловали ребят в рядовые. («Но три года мы проходили в генералах».)

В 1945 году за Эдиком и Зеликом приехала мама и забрала их к себе в Карлаг. Им было по 14 лет, и мама получила разрешение взять сыновей к себе. Мама работала к тому времени врачом в лагерной больнице. И там, в Карлаге, Эдик и Зелик познакомились с Ольгой Михайловной Раницкой. (Поэтому Айтаковы и пришли в редакцию.)

Оба брата и почти хором: «Она была стройная, светловолосая, в очках. Наверное, ей было тогда лет сорок пять. Работала на метеостанции. Учила нас измерять влажность воздуха. Мы мало что поняли, но было интересно очень. Прокайтиса (о котором в книжечке у О. М. написано) помним: он был веселый, отчаянный, студентом сел, а когда мы приехали, он уже был «вольным ссыльным», если можно так сказать; однажды из степи принес 117 убитых сайгаков, приготовил их и нас угощал, и всех подряд, вкуснейшее было мясо. Мы ходили тоже охотиться, рыбачить. Рыбу отдавали маме в больницу. Потом нам запретили это делать. Среди лагерных встретили очень много порядочных людей, там были монашки, одна бабушка 85 лет за веру сидела; Стуканок — абсолютно парализованный мужчина, кричал день и ночь, ходил под себя, но его не выпускали и срока не убавляли; мама Инны Николаевны

Эдуард и Зелик Айтаковы в редакции «Новой газеты». 2009 год

Труфановой, что передала вам книжечку, — Ольга Александровна Журид — учила нас математике и физике, не в школе, а сама, от себя, она очень хорошо все объясняла.

Нет, Ольга Михайловна Раницкая не могла погибнуть в 1942 году. Мы же там, в 1945-м, с нею общались. Она была жива».

А 18 августа с.г. я получила электронное письмо из Израиля от Инны Александровны Ноготович и ее дочери Наташи.

Радости в редакции не было предела. Наш двадцатичетырехлетний фотокор Лёша Комаров, который перефотографировал страницы книжечки для публикации, все время повторял: «Надо же! Я думал, мы будем год или два искать хоть какие-то следы...»

Инна Александровна Ноготович — племянница Ольги Михайловны Раницкой. Дочь ее родного брата Александра.

Это маленькое электронное письмо из Израиля было еще одним неопровержимым доказательством, что Бог есть. И что Он хранит всё.

Я позвонила в Израиль. Инна Александровна Ноготович плакала и рассказывала, рассказывала и плакала. Потом трубку взяла ее дочь Наташа. Она по профессии журналист, но покупает газеты редко, и надо же... купила именно этот номер «Новой», и стала читать, и закричала: «Мама! Тут про нашу тетю Олю...»

Мы проговорили долго, очень долго. Теперь почти каждый день переписываемся. Они написали мне все, что пока вспомнили об Ольге Михайловне, пусть пунктиром, штрихами, но важные детали биографии.

Сын Александр — и тут начинается печальное — в 1942 году погиб. Он был десятиклассник. Где-то в эвакуации

находился вместе с бабушкой. Не выдержал насмешек одноклассников и повесился. (Может быть, над ним издевались потому, что мать сидела в лагере?) Больше детей у О. М. не было. А вот замуж она выходила не однажды. Очень, очень была красива. Все в нее влюблялись. Даже пленные немцы в лагере. Работала потом в Киеве. Врачом. Или в одной из больниц медстатистом (тогда это так называлось).

Ольга Михайловна Раницкая после лагеря рисовала еще одну книжечку — о животных — и писала стихи о ГУЛАГе. На публикацию стихов не надеялась, а вот книжечку о животных пыталась выпустить, посылала в Ленинград, в какое-то издательство. Но где это все сегодня — неизвестно. Если кто-то что-то знает — откликнитесь, пожалуйста.

И нет абсолютно никаких фото О. М. Дела ее мы так и не нашли, а после лагеря О. М. не любила фотографироваться, и снимков не осталось.

В одном из писем Наташа мне написала: «Тетя Оля так заслужила доброй памяти. Своим мужеством и силой духа».

Об Ольге Михайловне Раницкой:

«Родилась в Киеве. Год 1902-й (1903-й или 1904-й), 30 мая. Отец — Михаил Исаевич Рабинович. По образованию юрист. Известный киевский следователь. Был очень дружен с писателем Куприным. Мать — Мария Владимировна. В девичестве Крячко. По образованию — зубной врач. В семье было трое детей: Александр (отец моей мамы), Моисей и Ольга. Хорошо образованные дети. Александр прекрасно рисовал, учился у Бенуа в Петрограде, потом стал экономистом.

Моисей был журналистом. Ольга училась в медицинском.

В 20-е годы О. М. пошла в ЧОН (части особого назначения), где и взяла псевдоним Раницкая.

Рано вышла замуж, муж — Владимир Сороко, участник Гражданской войны, быстро сделал партийную карьеру. В конце 20-х они жили в Умани по соседству с Котовским, очень дружили. В начале 30-х Сороко был членом ВУЦИКа (украинское правительство, которое тогда находилось в Харькове). В 1926 году у Ольги Михайловны родился сын Саша. Она уходила от Владимира, потом опять к нему возвращалась. В 1937 году его расстреляли. Ольге Михайловне дали пять лет лагерей. (Я слышала от нее еще одну версию ареста: в 37-м на Крещатике она встретила друга боевой комсомольской молодости, который только что вернулся из Испании. Уже в застенке его привели на очную ставку с ней, всего избитого до неузнаваемости.)

Потом был Карлаг. Мне тетя Оля рассказывала о нем с большим теплом. Часто вспоминала тех, с кем была рядом. Я помню лица некоторых из них. У нее была картонка с фотографиями друзей по лагерю — лица, вырезанные из больших фото. Там была Ирма Тельман, сестра Э. Тельмана, вообще немцев-антифашистов там сидело много. И был Нарышкин (имени не помню), из знаменитого княжеского рода. У них с тетей Олей был очень бурный роман, который закончился печально. Ее как-то вызвали в местный отдел ГБ

и сказали, что он сидит за то, что сдал корабль белым и вся команда погибла. Он прискакал к ней (а тетя Оля жила одна в маленьком домике у метеостанции, где работала), загнав лошадь, но она с ним не захотела говорить. Он покончил с собой. У нее об этом есть стихотворение. Я думаю, что его оклеветали, но к делу это уже не относится.

Кроме немцев с ней сидело много питерской интеллигенции. С одного из них Репин написал для «Запорожцев» образ писаря (в центре полотна). Еще сидели грузинские интеллигенты, один из них научил ее (чтобы не умереть с голоду) ловить сусликов, снимать с них шкурки и запекать. А из сусликов тетя Оля делала чучела.

Она очень любила и понимала животных. У нее были стихи о лошадях и волках (самых любимых), дрофах и тушканчиках. Жила тетя Оля в домике с волчицей Донькой. Была лошадь. Об этом всем есть стихи, которые она послала в какое-то ленинградское издательство в году 79–80-м. Судьбу этих стихов я не знаю.

В 43-м она получила страшное известие: погиб сын Саша, который вместе со своей бабушкой Марией Владимировной был совсем рядом в эвакуации. Я помню картинку в ее Книжечке № 2 — сидит чертик и плачет, и рифмованные слова, что-то вроде «Грущу о смерти сына».

В 52-м закончился ее срок. Она получила разрешение жить в Караганде, куда приехала к ней ее мама. Работала в больнице. Вышла замуж. В 56-м

после реабилитации она с мамой вернулась в Киев. К тому времени она ушла от мужа. Но до своего последнего дня он ей помогал, а потом, после его смерти, его друзья. Ведь последние годы тетя Оля не вставала, сказался бруцеллез, которым она переболела в Карлаге, и сильное падение с лошади (там же).

Умерла в 88-м, похоронил ее брат Моисей Михайлович Борисов. Судьбу второй Книжечки и ее стихов мы не знаем.

Наташа».

На днях я получила письмо из Караганды. Журналистка Екатерина Борисовна Кузнецова (двадцать лет пишет о ГУЛАГе) сообщила мне, что в Центре статучета нашли учетную карточку на имя Ольги Михайловны Раницкой. Дела, увы, еще не обнаружили.

Вот и все, что мне пока удалось узнать.

«Новая газета» от 16.06.2010

Автор — Зоя Ерошок

Вот мы наконец получили ответы и от официальных лиц. Слава богу, бывают моменты, когда государство (пусть пока только на уровне отдельных своих представителей) не отчуждается от всего «людячего», а само старается походить на страну людей.

Вот некоторые официальные ответы на наши запросы о деле Ольги Михайловны Раницкой.

«Центральный архив ФСБ России архивными материалами в отношении О.М. Раницкой не располагает. На наш запрос в Комитет национальной безопасности Казахстана получен ответ, что по учетам Управления Комитета по правовой статистике и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по Карагандинской области значится Раницкая Ольга Михайловна, 1905 года рождения, еврейка, уроженка г. Киева, гражданка СССР, беспартийная. Решением Особого совещания НКВД СССР по подозрению в шпионаже 10.04.1938 г. заключена в ИТЛ на 5 лет. Начало срока 10.05.1937 г. (предположительно дата ареста). Наказание отбывала в Карлаге НКВД СССР, куда прибыла 10.06.1938 г. из Петропавловской тюрьмы. Освобождена 13.08.1946 г. и убыла в Жана-Аркинский район Карагандинской области. Дело заключенной Раницкой О.М. № 169598 в связи с истечением срока хранения уничтожено по акту 30.10.1960 г. Основание — учетная карточка заключенного.

Поскольку архивные уголовные дела хранятся, как правило, в территориальных органах

безопасности и государственных архивах по месту рождения и проживания на момент применения политических репрессий, нами направлен запрос в Службу безопасности Украины с просьбой предоставить архивную информацию в отношении О.М. Раницкой. О результатах рассмотрения Вы будете уведомлены дополнительно.

С уважением, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России
В.С. Христофоров».

Еще один ответ:

«В дополнение направляем Вам архивную справку, составленную по материалам уголовного дела, хранящегося в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины, в отношении Раницкой Ольги Михайловны.

Начальник Центрального архива ФСБ России
Ю.А. Трамбицкий».

И далее:

«Архивная справка

Раницкая Ольга Михайловна, 1905 года рождения, уроженка г. Киева, по национальности — еврейка, гражданка СССР, в 1921 году окончила трудовую школу, беспартийная, домохозяйка, до ареста проживала в г. Киеве на улице Ленина.

Состав семьи:

муж — Шевцов Павел Павлович (референт Облсполкома); сын — Александр Сороко (10 лет)

<...>

Замужем была дважды.

Первый муж — Сороко Владимир Петрович, 1903 года рождения, уроженец г. Минска, член КПБУ с 1921 года, заведующий секретной частью в ЦИК УССР. По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 20 января 1938 года приговорен к расстрелу. С первым мужем Раницкая О. М. Развелась в 1933 году.

Второй муж — Шевцов Павел Павлович, ранее работал в ЦИК УССР в качестве редактора-консультанта секретариата, затем в Облисполкоме референтом орготдела. Погиб во время Великой Отечественной войны.

Арестована органами НКВД УССР 19 мая 1937 года по обвинению «...в том, что поддерживала связь с секретарем польского консульства в Харькове Милашевским и проводила шпионскую работу в пользу Польши».

По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 10 апреля 1938 года на основании ст. 54 рп. 6 УК УССР приговорена к 5 годам заключения в ИТЛ.

В 1954 году Раницкая О. М. подала заявление о пересмотре дела на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Ворошилова, в котором сообщила: «...Фактическое освобождение последовало 12 августа 1946 года. За эти годы погиб на войне мой муж, покончил с собой сын, утрачено все. Вернуться к оставшимся в живых

родным я не могла, да и опасалась скомпрометировать их».

После освобождения Раницкая О. М. проживала в г. Караганде со своей 73-летней матерью (ул. Ипподромная), впоследствии в г. Киеве (ул. Короленко).

Определением Военного трибунала Киевского военного округа от 28 октября 1955 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 апреля 1938 года отменено и дело в отношении Раницкой О. М. прекращено».

«...За эти годы погиб на войне мой муж, покончил с собой сын, утрачено всё. Вернуться к оставшимся в живых родным я не могла, да и опасалась скомпрометировать их». Какой горький, но с каким достоинством написанный текст.

Мы продолжим поиск. И надеемся на вашу помощь, дорогие читатели. Может быть, в Караганде, или в Киеве, или где-то еще кто-то знал, запомнил Ольгу Михайловну Раницкую, может что-то рассказать о ней...

Откликнитесь, пожалуйста. Очень ждем.

Дело № 547 по обвинению
Раницкой Ольги Михайловны,
1905 г.р.

10 мая 1937 года Ольга Михайловна Раницкая была арестована по обвинению в том, что «она, являясь польским шпионом, проводила разведывательную работу в пользу Польши, вербуя для этой цели отдельных лиц, антисоветски настроенных, проживающих на территории СССР» (из материалов следствия). Основанием для обвинения стали показания знакомого О. М. Раницкой — фотографа В. Н. Скамандр-Мазюкевича, арестованного несколькими днями ранее.

[Материалы следственного дела предоставлены Отраслевым государственным архивом Службы безопасности Украины. Печатаются с сокращениями.]

У С С Р

Н К В Д

Управление Государственной Безопасности

ЗАИНТЕРИЗОВАНО в 1941 г.

277508

ДЕЛО № 547

По обвинению Раницкой
Ольги Михайловны
по ст. 54-б УК УССР

ТОМ №

277508

Количество томов

Лист № 9

к делу № _____

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Раницкая2. Имя и отчество Ольга Михайловна3. Дата рождения: число 30 . месяц мая . год 19054. Место рождения в г. Киеве .5. Место жительства (адрес) г. Киев, ул. Ленина #34 кв. 46. Профессия и специальность без профессии и специальности7. Место службы и должность или род занятий не явля. служба ШвецииТяго Павловича, репрессия Общественная
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)Паспорт ВВВАН V N 048 947 2092, РКИММУ
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан)10. Социальное происхождение из швейцарских отцов в настоящее время
(род занятий родителей и их настоящее положение)работает в качестве следователя прокуратуры Ленинского р-та
в г. Киеве10. Социальное положение _____
(род занятий и настоящее положение арестованного)

а) до революции _____

б) после революции индивидуально существую1. Образование (общее и специальное) закончил трудовую школу в г. Киеве
в 1921 году

12. Партийность (в прошлом и настоящем) беспартийная, в 1920-21 - в комсомоле, вдобавле механическая.

13. Национальность и гражданство (подданство) украинка, СССР

14. Категория воинского учета-запаса и где состоят на учете _____

15. Служба в белых и др. армиях, участие в бандх и восстаниях против Советской власти и в качестве кого) нет

16. Каким репрессиям подвергался при Советской власти: судимость, арест и др. когда каких и за что) нет

17. Состав семьи муж - Шевцов Павел Павлович - резервист сев. фронта, сын Александр Серого - 10 лет, брат - Рабинович Александр Михайлович, 34 лет, работает в кардэве инженером КМВРЗ, брат Рабинович Иосиф Иосифович, 33 лет, редактор мультфильмов 3-д, брат Рабинович Михаил Иосифович - 5 лет, сын Александр Михайлович Ленинского р-на в Киев, мать мать Владимир. Збвий.
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
Подпись арестованного О. Рабинович

1. Особые внешние приметы _____

2. Кем и когда арестован _____

3. Где содержится под стражей _____

4. Особые замечания _____

Подпись сотрудника, заполнившего анкету Шамун

10. мая 193 7.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

объ. РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны, 1905г.
рождения по нац. еврейка, быв. член
ЛКСМУ с 1920 по 1922г., Домхояйка

от 14 / 4-372.

ВОПРОС: - В Киеве вы давно живете?

ОТВЕТ: - Я родилась в Киеве и жила безвыездно до 1925 г. с 1925г. до 1934г. в Киеве не жила. В 1934г. вновь возвратилась в Киев и с тех пор безвыездно проживала в Киеве до дня моего ареста.

ВОПРОС: - Где вы жили и чем занимались с 1925г по 1934 год?

ОТВЕТ: - С 1925 по 1930г. жила в Умани, по месту работы мужа. Весь этот период я находилась на иждивении мужа. С 1930 до 1931г. жила в Киеве у родных. С 1931г до 1932г. была в Славянске на курорте. С 1932 до 1934г. жила в Харькове на иждивении мужа.

ВОПРОС: - Кто Ваш муж?

ОТВЕТ: - Я замужем дважды. Первый муж СОРОКО Владимир Петрович, член КПУ с 1921г. ранее работал в ЦИК УССР в качестве зав. секретной частью, в данное время работает в Каменец-Подольске в Горсовете, в качестве кого не знаю. С СОРОКО я развелась в 1933 году. Второй

14.
муж - ШЕВЦОВ Павел Павлович, ранее работал в ЦИК УССР в качестве редактора - консультанта секретариата. В данное время он работает в Облсполкоме в качестве референта орготдела. С ним я живу с 1933 года.

ВОПРОС: - РАНИЦКАЯ это Ваша настоящая фамилия?

ОТВЕТ: - Нет. Моя настоящая фамилия РАВИНОВИЧ, на РАНИЦКУЮ?

ВОПРОС: - Когда Вы изменили фамилию РАВИНОВИЧу в 1921 г. Юридически оформила изменение фамилии в 1929 или 1930 году.

ОТВЕТ: - Фактически я изменила фамилию в 1921 г. Юридически оформила изменение фамилии в 1929 или 1930 году.

ВОПРОС: - Через какую организацию Вы оформили изменение фамилии?

ОТВЕТ: - Через Уманский ЗАГС

ВОПРОС: - Что побудило вас к изменению фамилии?

ОТВЕТ: - Особых причин к этому у меня не было. Мне просто не нравилась моя настоящая фамилия и я решила ее переменить.

ВОПРОС: - Только это, или были и другие причины?

ОТВЕТ: - Категорически утверждаю, что других причин к изменению фамилии у меня не было.

ВОПРОС: - Назовите мне ваших знакомых по Харькову, посещающих вашу квартиру?

ОТВЕТ: - Мою квартиру в Харькове посещали следующие мои знакомые:

1. КОВАЛЕНКО Любовь Марковна, лет 40, служащая одного из учреждений на ст. Основа, в данное время проживает в Москве, служит в одном из учреждений.
2. МОТИК Софья Михайловна, лет 43-44, сотрудница редакции "Вісті" в качестве литредактора. В данное время проживает в г. Москве, работает в одном из издательств.
3. МОТИК Евгения Михайловна, лет 20-21, студентка Киевского Мединститута, прож. по Тарасовской ул. д. № 8, кв. 7.
4. СКОМАНДР, имя, отчество не знаю, лет 37, фоторепортер редакции "Комуніст", ранее проживал в Харькове, в данное время должен проживать в Киеве, кажется по Прорезной улице.
5. МЛАШЕВСКИЙ, кажется Станислав или Вячеслав Антонович, точно имя не помню, сотрудник польского консульства в Харькове, польский легионер. Со слов моего знакомого СКОМАНДР мне известно, что МЛАШЕВСКИЙ якобы являлся секретарем польского консульства. Где находится МЛАШЕВСКИЙ в данное время не знаю.
6. ВЕЙСЕНБЕРГ, имя отчество забыла его, держер Харьковского театра оперы и балета, проживал в Харькове, где в данное время не знаю.

ВОПРОС: - Назовите Ваших знакомых по редакции "Комуніст" помимо СКОМАНДР?

ВОПРОС: - Назовите ваших знакомых по редакции "Харьковский Пролетарий"?

ОТВЕТ: - Знакомых по редакции "Харьковский Пролетарий" нет и не было.

ВОПРОС: - Назовите В/знакомых по редакции "Техника массам" и "За технику"?

ОТВЕТ: - По этим также редакции ~~я~~ знакомых нет и не было.

ВОПРОС: - Назовите Ваших знакомых по Харьковскому Обкому КПбУ?

ОТВЕТ: - Из работников Харьковского Обкома КПбУ у меня знакомых не было и нет.

ВОПРОС: - При каких обстоятельствах Вы познакомились с сотрудником польского консульства МЛАШЕВСКИМ?

ОТВЕТ: - В 1933 году осенью, примерно, в начале августа месяца я возвращалась из Киева в Харьков. В поезде случайно познакомилась с неизвестным мне человеком, который впоследствии оказался сотрудником польского консульства.

ВОПРОС: - Чем было вызвано посещение МЛАШЕВСКИМ Вашей квартиры?

ОТВЕТ: - Посещал он мою квартиру под предлогом получения у меня литературы.

ВОПРОС: - Но это ведь был только предлог. Назовите следствию истинные причины в силу которых посещал

вас МИЛАНОВСКИИ на дому?

ОТВЕТ: - Других причин он мне не говорил и я их не знаю.

Допрос прерывается.

Записано с моих слов, мне прочитано

РАНИЦКАЯ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ IV ОТДЕЛА УГР-
СТ. ДЕПАРТАМЕНТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ / ЛИФАРЬ/

В. М. Мухоморов

Из протокола допроса

обвиняемого Скамандр-Мазюкевича Всеволода Николаевича, 1899 года рождения, урож. г. Немирова, беспартийный, бывший член ЛКСМУ, фотокорреспондент «Союзфото», от 7 мая 1937 года

<...>

Вопрос: С кем из сотрудников иностранных консульств Вы встречались?

Ответ: Я встречался один раз с советником польского консульства в Харькове, фамилии его не знаю, и три раза с женой сотрудника итальянского консула в Москве — Вичич Ольгой Ивановной.

Вопрос: Где, когда и при каких обстоятельствах Вы встречались с советником польского консульства в Харькове?

Ответ: С советником польского консульства в Харькове я встретился один раз на квартире моей знакомой Раницкой,

по мужу Сороко Ольгой Михайловной, возможно отчество не точно. Это было в 1931 или 1932 году, сейчас точно не помню.

Вопрос: Кто такая Раницкая-Сороко Ольга?

Ответ: Раницкая, по мужу Сороко, домашняя хозяйка. Ее муж работал где-то на периферии на какой-то ответственной работе, по ее словам, являлся членом правительства. Ранее, как говорила Сороко, муж ее работал в ЦИК УССР, где заведовал одним из отделов.

<...>

Вопрос: Продолжайте Ваши показания об обстоятельствах Вашей встречи с советником польского консульства.

Ответ: Я посещал Раницкую-Сороко на дому, как свою знакомую по совместной работе в комсомольской организации г. Киева в 1921–1922 г. В одно из таких посещений на мой звонок вышла Раницкая-Сороко и заявила, что она не может меня принять, а затем сразу же добавила: «Ну, ничего, я все равно обещала тебе устроить обмен книг с польским консульством. Поэтому заходи, я тебя познакомлю с советником консульства, он сейчас у меня». Зайдя в квартиру, я действительно застал там человека небольшого роста, который, будучи представлен мне, назвал свою фамилию, но я забыл ее. Так произошла встреча и знакомство с советником польского консульства.

Вопрос: Из Ваших показаний видно, что Вы с Раницкой-Сороко имели разговор о советнике польского консульства

еще до знакомства с ним, причем вы просили Сороко устроить вам обмен книг в польском консульстве?

Ответ: Да, разговор о советнике польского консульства, посещающем Раницкую-Сороко, я имел еще до знакомства с ним. Было это так: в одно из моих посещений Раницкой-Сороко последняя сообщила мне, что ее посещает на дому советник польского консульства. Зная, что я интересуюсь фотоальманахами, издающимися за кордоном, Раницкая-Сороко сообщила, что она может доставать эти альманахи через польское консульство, но с условием, что я, в свою очередь, буду доставать для польского консульства русскую художественную литературу. Предложение Раницкой-Сороко я принял.

Вопрос: О чем Вы говорили с советником польского консульства при личной встрече с ним в квартире Раницкой-Сороко?

Ответ: После знакомства советник польского консульства интересовался, какие книги я могу доставать для польского консульства и, в свою очередь, какие именно фотоальманахи интересуют меня. Получив ответ на заданные вопросы, советник остался им удовлетворен, и на этом разговор был окончен. Раницкая-Сороко дала мне понять, что я должен уйти, что я и сделал.

Вопрос: Кроме доставки книг для польского консульства, Вами были получены от советника и другие поручения?

Ответ: Нет, других поручений от советника польского консульства я не получал.

Из протокола допроса

обв. Мазюкевича-Скамандр
Всеволода Николаевича
от 10 мая 1937 года

Вопрос: На допросе 5–7 мая с. г. Вы уклонялись от дачи откровенных показаний о Вашей шпионской деятельности и лиц, связанных с Вами.

Ответ: Признаю, что на допросе 5–7 мая с. г. я давал неправильные показания, вернее, неполные, т. к. умолчал о своей шпионской деятельности в пользу Польши, а также умолчал о шпионской деятельности ряда других лиц, о которых мне известно, или же я лично был с ними связан по этой деятельности. Сейчас я хочу дать следствию откровенные признания по существу моей и др. лиц враждебной изменнической деятельности.

Вопрос: Когда и кем Вы были привлечены для шпионской работы и в пользу каких государств?

Ответ: Для шпионской работы я был привлечен в 1933 г. Раницкой-Сороко Ольгой Михайловной. Шпионскую работу по заданиям Раницкой-Сороко я проводил в пользу Польши.

После дачи мной согласия на проведение шпионской работы в пользу Польши Раницкой-Сороке Ольге Михайловне со мной по этому же поводу вел переговоры советник польского консульства, фамилию его забыл.

Из протокола обыска

1937 года мая 10 дня сотрудники Управления Государственной Безопасности НКВД УССР Танельзон, Самохвалов, Гольцман и Яхонтов на основании ордера НКВД УССР от 10/V-1937 произвели обыск у гр-ки Раницкой Ольги Михайловны, проживающей в г. Киеве по улице Ленина в доме № 34 кв. № 4.

При производстве обыска присутствовали: дворник дома № 34 по улице Ленина Свистун Илья Григорьевич.

Согласно полученным указаниям задержан гр. Раницкая Ольга Михайловна.

Изъято для представления в Управление Государственной Безопасности НКВД УССР следующее:

1. Паспорт Раницкой О.М. № 048947
2. Пропуск в ВУЦВК № 190
3. Удостоверение личности Раницкой
4. Выписка из ЗАГСа о перемене фамилии гр-ки Рабинович О.М. на Раницкую О.М.
5. Школьное свидетельство на имя Рабинович-Раницкая
6. 155 штук фотоснимков
7. 21 блокнот и записных книжек с различными записями
8. Удостоверение Раницкой № 736
9. Писем — 135 штук
10. 13 пачек с фотонегативами и 6 коробок с негативами и фотобумагой
11. Фотоаппарат стереоскопический с двумя кассетами
12. Одна пара чулок польского производства
13. 10 троцкистско-националистических книг
14. Тетрадей общих с записями — 7
15. Один альбом с фотокарточками
16. Два порванных на мелкие куски письма, завернутые в газетную бумагу
17. Футляр и флакон от заграничных духов
18. Один чемодан

Из протокола допроса

обв. Раницкой Ольги Михайловны 1905 г. рождения, по нац. еврейка, быв. член ЛКСМУ с 1920 по 1922 гг, домохозяйка от 14 мая 1937 года

Вопрос: В Киеве Вы давно живете?

Ответ: Я родилась в Киеве и жила безвыездно до 1925 года. С 1925 до 1934 года в Киеве не жила. В 1934 года вновь возвратилась в Киев и с тех пор безвыездно проживала в Киеве до дня моего ареста.

Вопрос: Где Вы жили и чем занимались с 1925 по 1934 год?

Ответ: С 1925 по 1930 год жила в Умани, по месту работы мужа. Весь этот период я находилась на иждивении мужа. С 1930 до 1931 года жила в Киеве у родных. С 1931 до 1932 года была в Славянске на курорте. С 1932 до 1934 года жила в Харькове на иждивении мужа.

Вопрос: Кто Ваш муж?

Ответ: Я замужем дважды. Первый муж Сороко Владимир Петрович, член КПБУ с 1921 года, ранее работал в ЦИК УССР в качестве зав. секретной частью, в данное время работает в Каменец-Подольске в Горсовете, в качестве кого, не знаю. С Сороко я развелась в 1933 году. Второй муж — Шевцов Павел Павлович, ранее работал в ЦИК УССР в качестве редактора — консультанта секретариата. В данное время он работает в Облесполкоме в качестве референта орготдела. С ним я живу с 1933 года.

<...>

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы познакомились с сотрудником польского консульства Милошевским?

Ответ: В 1933 году осенью, примерно в начале августа месяца, я возвращалась из Киева в Харьков. В поезде случайно познакомилась с неизвестным мне человеком, который впоследствии оказался сотрудником польского консульства.

Вопрос: Чем было вызвано посещение Милошевским Вашей квартиры?

Ответ: Посещал он мою квартиру под предлогом получения у меня литературы.

Вопрос: Но это ведь был только предлог. Назовите следствие истинные причины, в силу которых посещал Вас Милошевский на дому?

Ответ: Других причин он мне не говорил, и я их не знаю.

Из протокола допроса

обвиняемой Раницкой
Ольги Михайловны
от 25 мая 1937 года

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что Вы, являясь сотрудником польских разведывательных органов, поддерживали связь с секретарем польского консульства Милошевским и проводили шпионскую работу в пользу Польши. Признаете себя в этом виновной?

Ответ: Виновной себя в предъявленном мне обвинении — проведении шпионской работы в пользу Польши и сотрудничестве в польских разведывательных органах — не признаю. С секретарем польского консульства Милошевским я действительно была некоторый период связана, вначале лично, а затем с ведома органов НКВД в Харькове. Однако Милошевскому я никакой информации о Советском Союзе не давала, и он не требовал от меня этого.

<...>

Вопрос: Продолжайте Ваши показания о Милошевском. Когда он впервые посетил Вашу квартиру?

Ответ: Спустя несколько дней после нашего знакомства с Милошевским в поезде он совершенно неожиданно посетил мою квартиру.

Вопрос: Днем или ночью посетил Вас Милошевский?

Ответ: Помню, что Милошевский первый раз посетил мою квартиру в первой половине дня, примерно между 12–16 часами.

Вопрос: Милошевский посетил Вашу квартиру один или в сопровождении кого-либо другого?

Ответ: Милошевский был один, его никто не сопровождал.

Вопрос: Чем мотивировал Милошевский свой приход к Вам на квартиру?

Ответ: Свой первый приход ко мне на квартиру Милошевский мотивировал тем, что, с одной стороны, он хочет ознакомиться с имеющейся у меня литературой, осведомиться, смогу ли я выполнить свое обещание, данное в вагоне во время знакомства, — достать для него русскую художественную литературу, и с другой стороны, что я лично произвела на него хорошее впечатление и он хочет со мною поддерживать личное знакомство.

Вопрос: Вы дали свое согласие достать для Милошевского русскую художественную литературу и поддерживать с ним личное знакомство?

Ответ: Относительно русской художественной литературы я дала уклончивый ответ, заявив, что не могу точно обещать ему этого, так как еще не виделась и не говорила со своим знакомым. Что касается второго вопроса, т.е. желания со стороны Милошевского поддерживать со мной личное знакомство и посещать мою квартиру, то на это заявление Милошевского я ответила молчанием.

Вопрос: Что же означал этот ответ на второй вопрос Милошевского?

Ответ: Этот ответ в принципе означал мое нежелание поддерживать личное знакомство с Милошевским. Однако я не хотела грубо отталкивать его, поскольку он являлся сотрудником иностранного консульства и, кроме того, мой муж, Сороко Владимир Петрович, предупредил меня, чтобы я этого не делала. Он считал, что коль скоро произошло знакомство, то надо будет основательно продумать вопрос, как это знакомство прекратить, а возможно, что это знакомство надо будет использовать в интересах Советского Союза.

Вопрос: О знакомстве с Милошевским Ваш муж, Сороко Владимир Петрович, знал?

Ответ: Да, знал. Я ему об этом знакомстве рассказала еще до первого визита Милошевского.

Вопрос: Как реагировал Сороко на это знакомство?

Ответ: Вначале Сороко заявил, что, если Милошевский явится ко мне на дом, его нужно будет немедленно удалить

из квартиры и больше никакой связи с ним не поддерживать. Спустя же некоторый период он изменил свое решение и предложил в случае появления Милошевского на квартире не отталкивать его, так как нужно будет основательно продумать этот вопрос, возможно, что это знакомство можно будет использовать в интересах нашей страны.

Вопрос: Что конкретно он подразумевал под использованием этого знакомства с Милошевским в интересах нашей страны?

Ответ: Сороко считал, что, может быть, мне придется сотрудничать с НКВД и по указаниям НКВД поддерживать связь с Милошевским, с тем чтобы кое-что узнать от Милошевского, могущее оказаться полезным для Советского Союза.

Вопрос: О своем знакомстве с Милошевским Вы заявили в НКВД?

Ответ: Нет, я этого не сделала по совету того же Сороко В. П. Он порекомендовал мне не ходить в НКВД, а ожидать, пока НКВД сам попросит меня зайти туда. Заявил ли Сороко об этом в НКВД, я не знаю, полагаю, что он это сделал.

Из протокола допроса

обвиняемой Раницкой
Ольги Михайловны
от 28 июня 1937 года

Вопрос: Вы знакомы с Скамандр-Мазюкевичем Всеволодом Николаевичем?

Ответ: Знакома.

Вопрос: Когда, где и при каких обстоятельствах Вы впервые познакомились со Скамандр-Мазюкевичем Всеволодом Николаевичем?

Ответ: Впервые я с ним встречалась в 1921–22 гг. в Киеве в комсомольском клубе и на собраниях.

Вопрос: Дайте более подробные показания о нем и о характере Вашей связи с ним.

Ответ: В 1921–22 гг. я знала его как рядового члена ЛКСМУ, но никаких дружеских отношений с ним у меня не было. С 1922 по 1933 год его не встречала и ничего о нем не знала. В 1933 году случайно встретила Скамандр-Мазюкевича в Харькове,

после чего он начал приходить ко мне в дом. Его посещения были вызваны, главным образом, заинтересованностью в получении продуктов из распределителя, к которому я была прикреплена. Он, в свою очередь, доставал для меня художественную литературу. Этим ограничивалось наше знакомство.

<...>

Вопрос: Где в это время работал Скамандр-Мазюкевич?

Ответ: С его слов мне известно, что он работал фоторепортером газеты «Коммунист» и какой-то технической газеты.

Вопрос: Кого Вы знали из личных знакомых Скамандр-Мазюкевича?

Ответ: Из его знакомых мне никто не известен.

Вопрос: После Вашего приезда в Киев в 1934 году Вы встречали Скамандр-Мазюкевича?

Ответ: Два-три раза случайно встречалась на улице.

Вопрос: Когда Вы в последний раз встречали Скамандр-Мазюкевича и о чем Вы разговаривали с ним?

Ответ: Второго или третьего мая 1937 года недалеко от моего дома по ул. Ленина, 34. Я встретила Скамандр-Мазюкевича с его дочкой. Разговор с ним касался исключительно его ребенка.

<...>

Вопрос: На предыдущем допросе Вы сообщили, что через Вашего знакомого обещали достать Милошевскому русскую художественную литературу в обмен на фотоальманахи и что этим знакомым является Скамандр-Мазюкевич. Свое обещание Вы выполнили?

Ответ: Да, выполнила. За русскую художественную литературу Скамандр получил от Милошевского два сборника фотоальманаха.

Из протокола допроса

обвиняемой Раницкой
Ольги Михайловны
от 2–3 сентября 1937 года

<...>

Вопрос: Сколько раз посетил Вас Милошевский на протяжении Вашего знакомства с ним?

Ответ: Точно не помню. По-моему, от 8 до 12 раз.

Вопрос: Эти встречи происходили только в Вашей квартире или еще где-либо?

Ответ: Эти встречи всегда происходили у меня на квартире, откуда часто ходили гулять в профсад или зоологический сад. Два или три раза в его машине ездили на стадион «Динамо» и по направлению к Померкам.

<...>

Вопрос: Бывал ли кто-нибудь, кроме Вас, в доме в присутствии Милошевского?

Ответ: Нет.

Вопрос: Это Вы делали с целью?

Ответ: Да.

Вопрос: С какой?

Ответ: Считала неудобным знакомить с Милошевским посторонних людей, боясь их скомпрометировать, и находила неудобным у себя на квартире допускать встречи лиц с сотрудником консульства.

Вопрос: О чем вы разговаривали при встречах с Милошевским?

Ответ: Разговоры велись на всевозможные темы личного и семейного характера. Рассказывал он мне о внутренней жизни консульства, о его поездках за границу.

<...>

Вопрос: Милошевский когда-либо дарил Вам вещи или угощал Вас и за какие Ваши услуги он это делал?

Ответ: Милошевский никогда мне никаких вещей не дарил и меня ничем не угощал.

Вопрос: Когда прервались Ваши знакомства с Милошевским и по какой причине?

Ответ: Знакомство с Милошевским прервалось в связи с моим отъездом из Харькова в Киев в мае 1934 года.

Протокол допроса

обвиняемой Раницкой
Ольги Михайловны
от 7 сентября 1937 года

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что являлись сотрудником польских разведывательных органов, поддерживали связь с секретарем польского консульства Милошевским и проводили шпионскую работу в пользу Польши. Признаете себя в этом виновной?

Ответ: Виновной себя в предъявленном мне обвинении не признаю. Сотрудником польских разведывательных органов я никогда не являлась, мое знакомство с сотрудником польского консульства Милошевским шпионской цели не

преследовало, и никакой шпионской работы в пользу Польши, а равно и других стран я не вела.

Вопрос: Следствие требует, чтобы Вы рассказали о своей шпионской деятельности и обстоятельствах привлечения Вас к шпионской работе.

Ответ: Со всей откровенностью заявляю, что никогда никакой шпионской деятельностью не занималась и никем к шпионской работе не была привлечена.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Вы с 1933 года занимались шпионажем и для этой работы были привлечены сотрудником польского консульства Милошевским. Предлагаем Вам прекратить заpiresательство и дать откровенные показания.

Ответ: Категорически отрицаю такое обвинение и снова заявляю, что шпионской работы никогда не вела.

Вопрос: Вы говорите неправду, так как известно, что связь с Милошевским Вы поддерживали для шпионских целей.

Ответ: Прошу следствие верить, что моя связь с Милошевским никаких контрреволюционных намерений не имела.

Вопрос: Следствию известно, что для шпионской деятельности Вы привлекли ряд лиц. Предлагаем прекратить упорство и рассказать следствию как о своей шпионской деятельности, так и о лицах, связанных с Вами.

Ответ: Шпионской деятельностью я никогда не занималась и для этой работы никого не привлекала.

Вопрос: О Вашей связи с представителем польского консульства в целях шпионажа Вы изобличаетесь арестованным Скамандр-Мазюкевичем В. Н., зачитываю Вам выдержку из его показаний от 10 мая 1937 года. «...Кроме Раницкой со мной по вопросу о шпионской работе в пользу Польши вел переговоры советник польского консульства. <...> Встречу с советником польского консульства организовала Раницкая...»

Ответ: Моя связь с Милошевским никакой шпионской цели не преследовала. Отрицаю заявление Скамандр-Мазюкевича об организации мною встречи его с Милошевским как ложное. Что касается переговоров Скамандр-Мазюкевича с Милошевским, то мне об этом ничего не известно.

Вопрос: Вы скрываете от следствия, что для шпионской работы Вами был привлечен в 1933 году Скамандр-Мазюкевич В. Н.

Ответ: Заявляю следствию, что никого, а также Скамандр-Мазюкевича к шпионской работе не привлекала, так как сама ее не вела.

Вопрос: О Вашей связи с Скамандр-Мазюкевичем и привлечении его к шпионской работе в пользу Польши Вы изобличаетесь тем же Скамандр-Мазюкевичем. «...Для шпионской работы я был привлечен в 1933 году Раницкой-Сороко Ольгой Михайловной. Шпионскую работу по заданию Раницкой я проводил в пользу Польши...»

Ответ: Показания Скамандр-Мазюкевича выдуманы и лживы.

Вопрос: В последний раз требуем рассказать следствию, какие Вы получали задания от сотрудника польского консульства Милошевского.

Ответ: Никаких заданий контрреволюционного, шпионского характера я от Милошевского не получала.

Вопрос: Известно, что Вы поручали Скамандр-Мазюкевичу собирать различные сведения шпионского характера. Вы подтверждаете это?

Ответ: Категорически отрицаю. Никаких поручений по сбору шпионских материалов я Скамандр-Мазюкевичу не давала.

Вопрос: Ваши отрицания ни к чему не приведут. О Ваших поручениях Скамандр-Мазюкевичу видно из его показаний от 10 мая 1937 года: «...Раницкая ответила, что на первых порах ее интересуют сведения о настроениях рабочих на харьковских заводах, как работают заводы, какую продукцию они выпускают...»

Ответ: Показания Скамандр-Мазюкевича от начала и до конца лживы. Я снова заявляю следствию, что шпионажем не занималась и никаких поручений по сбору шпионских материалов никому не давала.

Из протокола допроса

обв. Мазюкевича-Скамандр
Всеволода Николаевича,
1899 г. рождения, бывш.
фоторепортера Киевского
отделения Союзфото
от 29 октября 1937 года

Вопрос: На предыдущих допросах Вы показали, что до дня своего ареста были связаны с польской и чехословацкой разведками и по заданиям этих разведок проводили шпионскую работу. Сейчас Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Подтверждаю все ранее данные мною показания, заявляю следствию, что до дня своего ареста я являлся агентом польских и чехословацких разведывательных органов, по заданиям которых проводил шпионскую работу.

<...>

Вопрос: Какую конкретно шпионскую работу провели лично Вы по заданиям разведывательных органов Чехословакии и Польши?

Ответ: <...> Польской разведке через Милошевского я также передал в 1933–35 гг. ряд шпионских материалов о политико-экономическом состоянии и настроениях населения Украины.

В 1934 году я по заданиям, полученным от Милошевского, сфотографировал ряд особо важных цехов и станков Харьковского тракторного завода, машиностроительного завода «Серп и Молот» и др. Фотоснимки цехов и отдельных станков этих заводов я передавал лично Милошевскому.

<...>

Вопрос: Этим не ограничивалась Ваша работа по заданиям польских разведывательных органов. Следствие располагает данными, что Вы имели задания разведки по совершению диверсионных актов и террора. Предлагаю Вам дать подробные показания по данному вопросу.

Ответ: Да, я умышленно не сказал об этом, желая скрыть от следствия принятые мною боевые задания польской разведки, но, убедившись в том, что все это в достаточной мере известно следствию, я буду давать об этом подробные показания.

В конце 1936 и в начале 1937 года при встречах с сотрудником польского консульства в г. Киеве он указывал мне, что на случай войны Советского Союза с Польшей или Германией необходимо совершить ряд диверсионных актов в части вывода из строя водопровода и электролиний, с тем чтобы оставить город без воды и нарушить трамвайное движение. Эту работу, говорил он, нужно провести непосредственно через лиц, работающих на этих участках, предварительно подготовив их для совершения диверсионных актов.

Задания сотрудника консульства по совершению диверсии я принял к исполнению.

В апреле 1937 года при встрече со мной в Мариинском парке г. Киева сотрудник польского консульства, проинформировав меня о полученных им заданиях разведки по совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, указал, что лично я должен буду подготовить совершение террористического акта над председателем ВУЦИКа тов. Петровским Г. И. Террор как метод борьбы против руководства партии и правительства, предложенный сотрудником польского консульства, я одобрил и принял от него задание подготовить кадры террористов, которые бы по заданиям разведки совершили теракты над руководителями ВКП(б) и советского правительства, и в первую очередь над Петровским Г. И.

Протокол очной ставки

между обвиняемыми Скамандр-Мазюкевичем Всеволодом Николаевичем и Раницкой Ольгой Михайловной от 2 ноября 1937 г.

Вопрос Раницкой: Знаете ли Вы сидящего перед Вами гражданина?

Ответ: Да, знаю. Это гражданин Скамандр — имени и отчества его я сейчас не припомню. Знакома с ним с 1921 года, а более близкие взаимоотношения со Скамандром у меня установились в 1933–34 гг. Никаких ссор и личных счетов у меня с ним не было.

Вопрос Скамандр-Мазюкевичу: Вы подтверждаете показания Раницкой Ольги Михайловны, данные в Вашем присутствии?

Ответ: Да, подтверждаю полностью и утверждаю, что взаимоотношения у меня с Раницкой самые нормальные.

Вопрос Скамандр-Мазюкевичу: Что Вам известно о контрреволюционной работе Раницкой О. М.?

Ответ: О контрреволюционной деятельности Раницкой Ольги Михайловны мне лично ничего не известно. Я только знаю, что в 1933 году она систематически встречалась с советником польского консульства Милошевским, который неоднократно бывал у нее на квартире в доме ВУЦИКа в г. Харькове. В 1933 году Раницкая познакомила меня с Милошевским у меня на квартире, и вскоре после этого Милошевским я был привлечен к шпионской деятельности.

Вопрос Скамандр-Мазюкевичу: На допросе 10 мая 1937 года Вы показали, что к шпионской работе в пользу Польши Вы были привлечены Раницкой О. М. и она связана по разведывательной работе с Милошевским. Сейчас Вы показываете, что к шпионской работе Вас привлек лично Милошевский. Уточните это обстоятельство.

Ответ: Я утверждаю, что к шпионской работе меня привлек лично советник польского консульства Милошевский, с которым меня познакомила Раницкая Ольга у себя на квартире в доме ВУЦИКа. Была ли Раницкая связана с Милошевским по шпионской работе, я осведомлен не был, и мои показания от 10.05.1937 года, где речь идет о шпионской работе Раницкой, неправдивые.

Вопрос Скамандр-Мазюкевичу: Изложите подробно обстоятельства, при которых Вы познакомились с Милошевским.

Ответ: В 1933 году по приглашению Раницкой О. М. я неоднократно бывал в ее квартире в доме ВУЦИКа в г. Харькове. Раницкая бывала у меня.

В беседах с Раницкой я высказывал желание достать заграничные фотоальманахи и альбомы. Раницкая мне говорила, что она может достать их.

В одной из таких бесед на квартире Раницкой она сообщила мне, что альманахи и альбомы, которые меня интересуют, она может достать через польское консульство, т. к. она знакома с советником этого консульства Милошевским. Указав при этом, что с Милошевским она часто встречается у себя на квартире и в других местах.

Вскоре после этого я зашел на квартиру к Раницкой, где к моему приходу был Милошевский. Раницкая познакомила меня с Милошевским и, указывая на меня, сообщила ему, что я являюсь тем самым лицом, которое интересуется заграничными фотоальманахами и альбомами, и что русскую литературу, представляемую Милошевскому, Раницкая доставала через меня.

Через 10–15 дней после этого, войдя в квартиру к Раницкой, я встретился там с Милошевским. В беседе со мной Милошевский сообщил, что интересующие меня фотоальбомы скоро будут привезены из-за границы и он тогда сможет мне их дать, а когда Раницкая вышла в другую комнату, мы условились с Милошевским встретиться в комиссионном магазине в г. Харькове. Других встреч у меня с Милошевским на квартире у Раницкой не было.

Вопрос Раницкой: Вы подтверждаете показания Скамандр-Мазюкевича В. Н.?

Ответ: Да, подтверждаю частично. Именно в той части, что я в 1933 году была знакома с советником польского консульства в г. Харькове Милошевским, имени его я сейчас не припоминаю, по отчеству Антонович.

Милошевский бывал у нас на квартире в доме ВУЦИКа в г. Харькове. В той же квартире у меня неоднократно бывал Скамандр.

Хорошо помню, что весной 1934 года, когда у меня в квартире был Милошевский, туда же зашел Скамандр. Я не знакомила Скамандра с Милошевским, но они имели короткий разговор, содержания которого я сейчас не помню.

Других встреч Скамандра с Милошевским у меня на квартире не было. О связи Скамандра с Милошевским по шпионской работе я осведомлена не была.

Вопрос Скамандр-Мазюкевичу: Вы утверждаете, что с Милошевским Вас познакомила Раницкая и что в ее квартире в доме ВУЦИКа Вы встречались с Милошевским два раза?

Ответ: Да, утверждаю.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Киев, 1938 года, января 27 дня. Я пом оперативно-моченного 1У отдела УГВ НКВД УССР Сержант Государственной Безопасности - ВОРЩЕВСКИЙ, рассмотрев материалы из "ятге при обыске у арестованной РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны, по ст. 54-6 УК УССР.

НАШЕЛ:

из "ятге при обыске документы как то:

1. Троцкистских и националистических книг - 10 шт.
2. Общих тетрадей с записями - 7 "
3. Блокнотов - 21 "
4. Коробок с фото негативами - 19 "
5. Цисем - 135 "
6. Альбом с фото снимками - 1 "
7. Отдельных фото снимков - 155 "

Не изобличают обвиняемуд РАНИЦКУД в проводимой ер к-Г шпionской деятельности, а поэтому не могут объект приобщения к следственному делу, как вещественные доказательства.

На основании изложенного.

ПОСТАНОВИЛА:

Указанные выше документы уничтожить /сжечь/.

ПОМ ОПЕРУПОМОЧЕННОГО 1У ОТДЕЛА УГВ НКВД УССР
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЩЕВСКИЙ

Согласен: НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ 1У ОТДЕЛА УГВ НКВД УССР
СТ ЛЕИТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сидорук /ЛИФАРЬ/

Постановление

На основании изложенного

Постановил:

Указанные выше документы уничтожить* /сжечь/.

г. Киев, 1938 года, января 27 дня. Я, пом. оперуполномоченного отдела УГБ НКВД УССР сержант Государственной безопасности БОРЩЕВСКИЙ, рассмотрев материалы, изъятые при обыске у арестованной РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны, по ст. 54-6 УК УССР,

Нашел:

Изъятые при обыске документы, как-то:

1. Троцкистских и националистических книг — 10 шт.
2. Общих тетрадей с записями — 7 шт.
3. Блокнотов — 21 шт.
4. Коробок с фотонегативами — 19 шт.
5. Писем — 135 шт.
6. Альбом с фотоснимками — 1 шт.
7. Отдельных фотоснимков — 155 шт.

Не избличают обвиняемую РАНИЦКУЮ в шпионской деятельности, а поэтому не могут быть приобщены к следственному делу как вещественные доказательства.

- * В материалах дела имеется также акт от 28 января 1938 года о приведении данного постановления в исполнение: книги, тетради, письма и фотографии были сожжены уже на следующий день. Фотографии самой О. М. Раницкой среди материалов дела нет.

19/II-1941.
Государство
Сыну Саше, Ко-
торого со мной, ней...

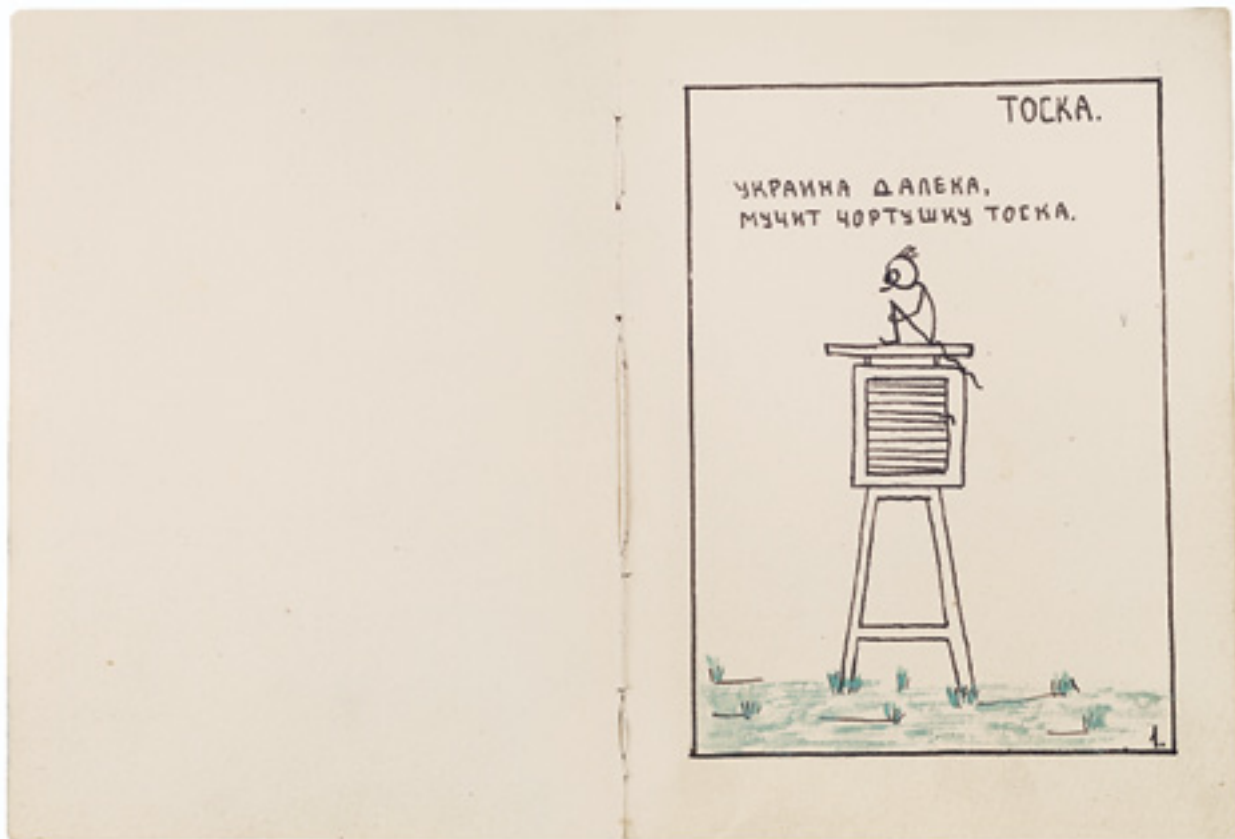
МЕТЕО-ЧЕРТИК.

ТРУДЫ и ДНИ.

1941 г.

Титульный лист
«МЕТЕО-ЧЕРТИК.
ТРУДЫ и ДНИ.».
Название «Труды
и дни» заимство-
вано из класси-
ческой поэмы
древнегреческого
поэта Гесиода (VIII–
VII век до н. э.).

1. Тоска. Украина далека / Мучит чортушку тоска.

О. М. Раницкая отбыла заключение в Карагандинском ИТЛ на территории Казахстана, а родом она была из Киева, где проживала с рождения и где была арестована.

2. Тучки небесные.
Не сочтет бедняга
тучки / Подлый
ветер строит штучки.

При метеорологическом измерении облачности без специальных приборов необходимо сосчитать общее количество облаков и количество облаков нижнего яруса. Полученные цифры записываются в виде дробного отношения. Также во время наблюдений облачности учитывается форма облаков. Понятно, что при сильном ветре нельзя получить стабильные результаты этих измерений.

3. Волк. Тьма
и холод... ветер...
вечер / Неожидан-
ная встреча.

Сцена встречи с волчицей. Это животное присутствует и на других страницах книги (с. 8, 9, 19, 21, 24, 38, 67, 70). Как мы узнаем на с. 24, волчица откликнулась на имя «Донька».

4. Мечты. Пяти-
балльная система /
Всех его мечтаний
тема.

Вероятно, речь идет о системе оценки работы метеостанций, входивших в хозяйственную систему Карлага. Оценки по пятибалльной системе упоминаются также на с. 61 и 95. Однако на с. 64 мы можем видеть нарисованную ведомость оценок шести метеостанций за май и июнь 1941 года, где работа оценивалась по стобальной системе.

5. Инспектор. Ох,
не мил мне белый
свет, / А машины нет
как нет!

6. Инспектор.
Прокайтис рыбку удит / А на чем он
ехать будет?

На с. 5 и 6 изображен В.В. Прокайтис, заведующий метеосетью сельскохозяйственного отдела Управления Карлага (по другим источникам фамилия пишется «Пракайтис»). Согласно воспоминаниям Э.Н. Айтакова, Прокайтис был одним из бывших заключенных и носил большие очки в толстой желтой оправе. Действительно, на страницах «Трудов и дней» (с. 5, 6, 13,

14, 33, 90, 97) мы видим персонажа в очках и, предположительно, везде изображен именно Прокайтис. На с. 13 фигура в очках подписана именем Слава, но сведений о том, как звали Прокайтиса, мы, к сожалению, не имеем. Вода, изображенная на с. 6, присутствует и на других страницах (с. 36, 37, 38, 39, 40). На 37 с. сообщается название реки: Джаман-Сары-Су (Жаман-Сарысу).

7. Встреча. Он
в ведро удрал от
мышки / А иначе
крошке крышка.

В НОЧЬ

ОСЕДЛАВ СВОЮ ЛОШАДКУ,
ВЫЕЗЖАЕТ НА ПЛОЩАДКУ.

8.

БУРАН.

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В СНЕГУ СИДЕЛИ
ОТКОПАЛИ ЕЛЕ-ЕЛЕ...

9.

8. В ночь. Осед-
лав свою лошадку /
Выезжает
на площадку.

9. Буран. Восемь
дней в снегу
сидели / Откопали
еле-еле...

10. Обход. Охраняет честно крошка / И морковку и картошку.

11. Психрометр. Вот «психическая» будка — / Все залез туда малютка.

Психрометрическая будка — будка особой конструкции, в которую помещают метеорологические приборы для защиты от излучений, осадков и ветра.

12. Командировка.
Захватив стрелка
с винтовкой, /
Мчится он
в командировку.

Командировка — административная единица в системе исправительно-трудовых лагерей, небольшой лагерный пункт, организованный на производственно значимом месте. Заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления, не имели права на бесконвойное передвижение («Временная инструкция о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР» от 02.08.1939).

13. Стакан. Забияка
хулиган / Дрался
с Славой за стакан.

Судя по всему, на этой странице изображен мерный стакан, в который переливалась вода, собранная в дождемере. Надпись карандашом: Manu militari (лат.) — «Воинской рукой», т. е. применяя силу, насильственно.

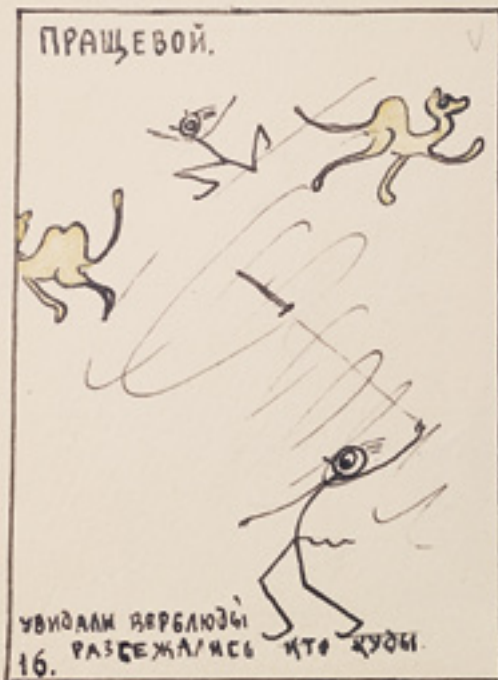

14. Трофеи. Чортик наш трофеи эти / Раздобыл в метеосети.

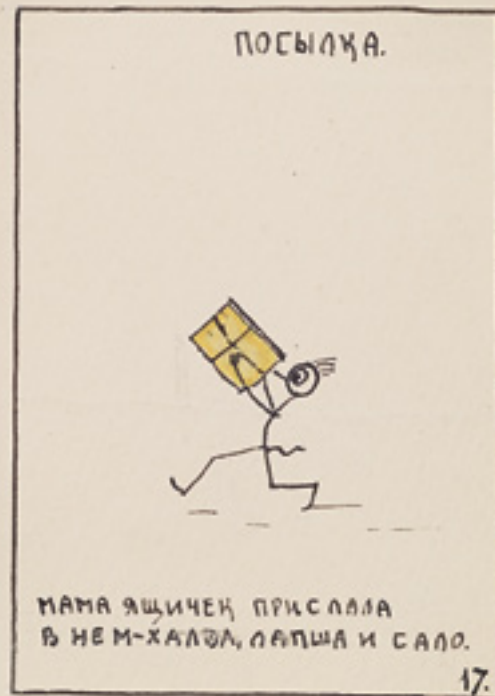

15. Ученый спор. Ты ударь его, ударь! / Засвети ему фонарь!..

Надпись карандашом «Vae victis или Tertius gaudens» в переводе с латыни значит «Горе побежденным, или Третий радующийся».

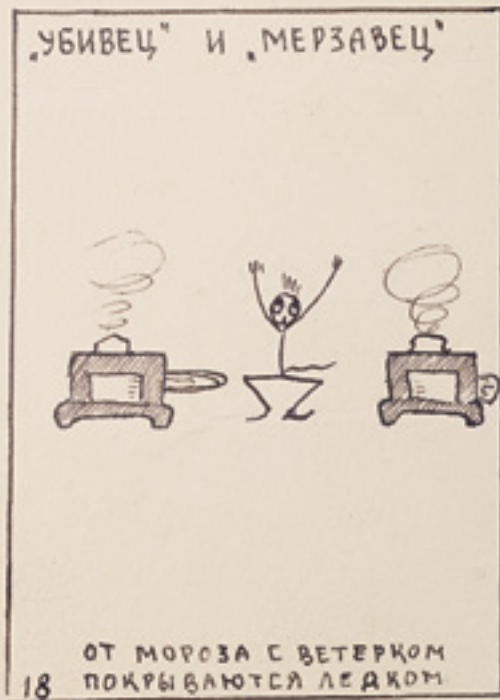
16. Пращевой.
Увидали верблюды /
Разбежались кто
куды

17. Посылка. Мама
ящичек прислала /
В нем — халва, лапша
и сало.

18. «Убивец»
и «Мерзавец». От
мороза с ветерком / Покрываются
ледком.

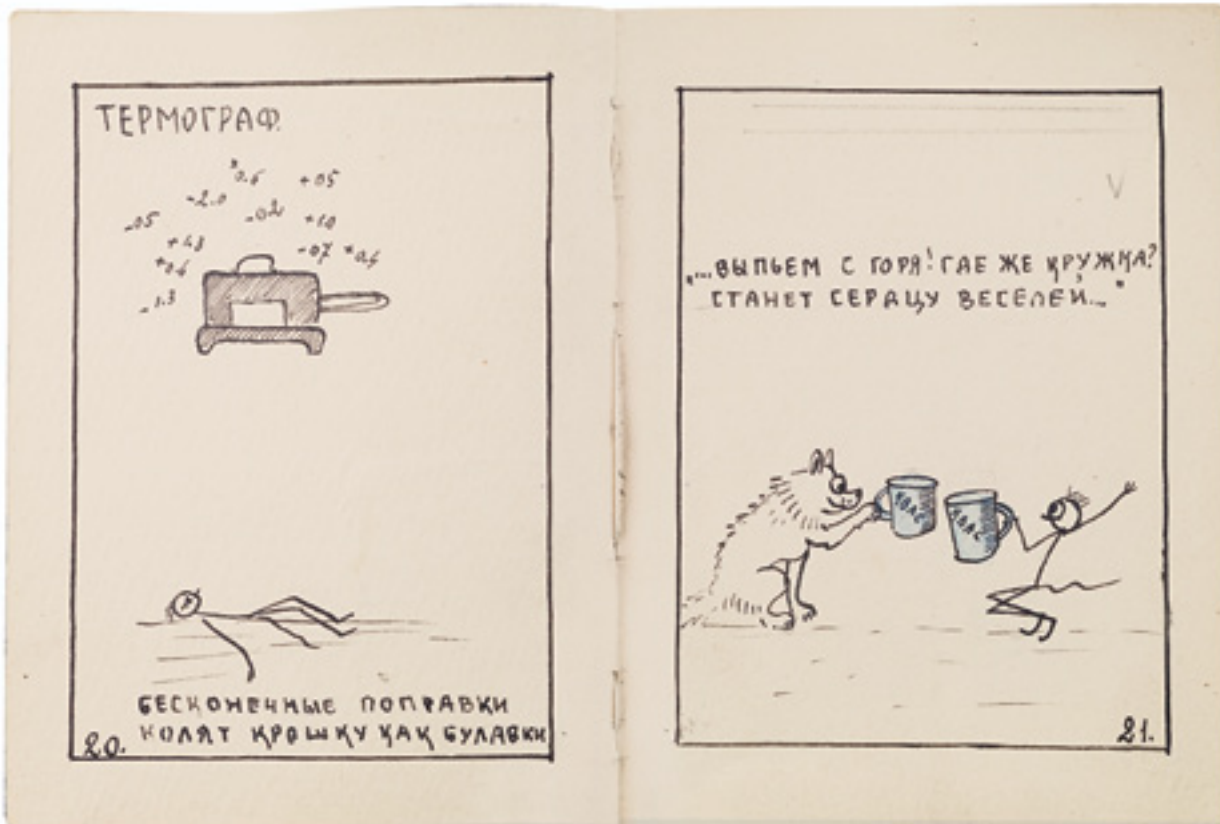
На рисунке изображены два метеорологических прибора: вероятно, термограф и барограф — самопишущие приборы для непрерывной регистрации значений температуры и атмосферного давления.

ДОМА НЕТ!

НЕ БРОСАЙ СВОИХ ЗАТЕЙ,
НЕ ПУСКАЙ КО МНЕ ГОСТЕЙ 19.

19. Дома нет! Не бросай своих затей, / Не пускай ко мне гостей

20. Термограф.

Бесконечные поправки / Колят крошку как булавки

21. «...Выпьем с горя!
Где же кружка? /
Станет сердцу
веселей...»

Неточная цитата из стихотворения Александра Пушкина «Зимний вечер» (1825). В оригинале: «Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей».

ГОРЕ

ПОДВЕЛА СУДЬБА-ЗЛОДЕЙКА
ОТОБРАЛИ ТЕЛОГРЕЙКУ

22.

22. Горе. Подвела
судьба-злодейка /
Отобрали телогрейку

БЕДА.

ЧТО НИ ДЕНЬ-ТО СОРОК БЕД
ОТОБРАЛИ И ОБЕД.

23.

23. Беда. Что ни
день—то сорок бед /
Отобрали и обед

В БУРАН.

ПОДВЕЛО ЧЕРТЕНКУ ПУП—
ПОДЪЕДАЕТ „ДОНЬКИН“ СУП

24.

24. В буран. Под-
вело чертенку
пуп — / подъедает
«донькин» суп

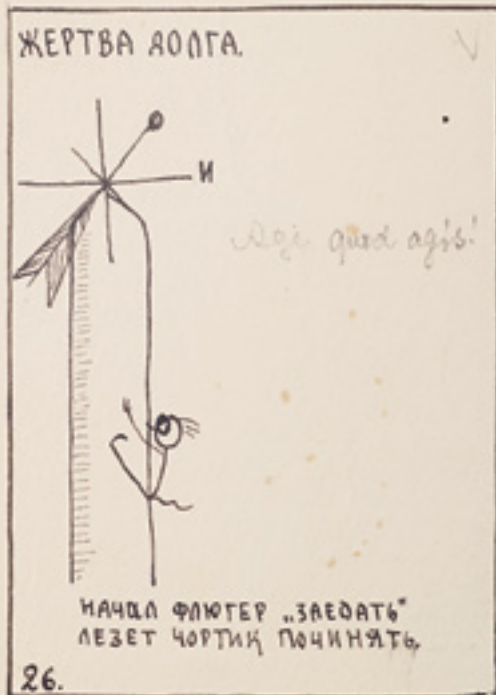
СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИК.

25.

25. Св. великомуче-
ник. Максимальный
св. великому[ченик]

Максимальный термометр применяется на метеорологических станциях для фиксирования самой высокой температуры между сроками наблюдений. Тема сломанных, пропавших, неисправных метеорологических приборов часто всплывает на страницах книги (с. 28, 46, 76).

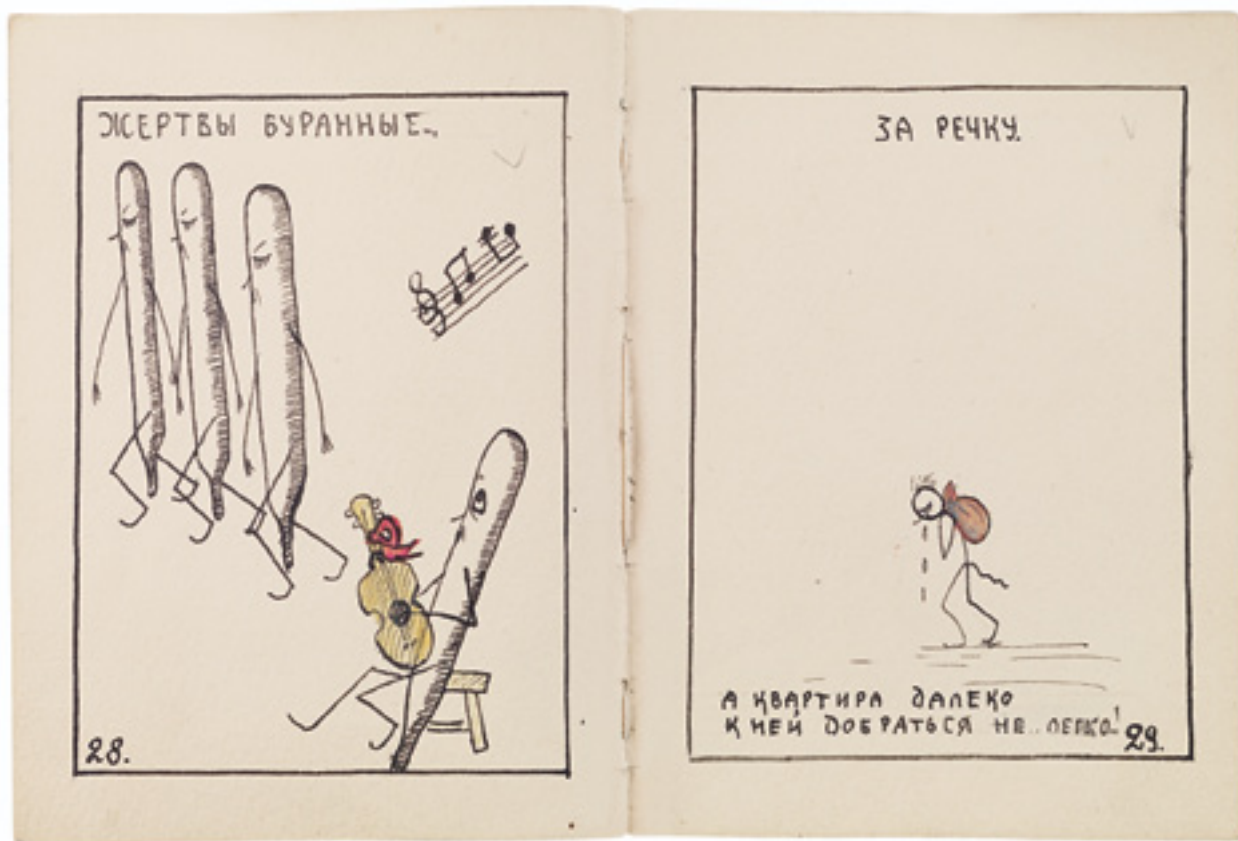

26. Жертва долга.
Начал флюгер
«заедать» / Лезет
чортик починать.

Надпись
карандашом:
Age quod agis (лат.) —
«Делай свое дело».

27. Почта. Он
сегодня рад
весьма — / Получил
он три письма.

28. Жертвы
буранные...

29. За речку. А квар-
тира далеко / К ней
добраться не...легко!

ТОПКА.

БЕДНЫЙ ЧОРТИК ВЕСЬ ПРОДРОГ,
НО ТОПОР ЕМУ ПОМОГ.

30.

ТУШЬ.

НОЧЬЮ ТУШЬ ЧЕРТЕНКУ СНИТСЯ
ОН ВО СНЕ ЗА ТУШЬЮ МЧИТСЯ.

31

30. Топка. Бедный чортик весь продрог, / Но топор ему помог.

31. Тушь. Ночью тушь чертенку снится / Он во сне за тушью мчится.

КТО ТАМ?

ОН СО СТРАХУ ВЗЛЕЗ НА ПЕЧКУ—
КТО ТАМ БРОДИТ ВОЗЛЕ РЕЧКИ?

32.

32. Кто там? Он со страху влез на печку— / Кто там бродит возле речки?

СНЕГОПАД.

КРОШКА НАШ ПРОПАЛ В СНЕГУ
ОБНАРУЖИТЬ НЕ МОГУ.

33.

33. Снегопад. Крошка наш пропал в снегу / Обнаружить не могу.

СНЕГОСЪЕМКА. ✓

ПО СУГРОБАМ ОН ШАГАЕТ
БОДРО РЕЙКУ В СНЕГ ВТЫКАЕТ

34.

34. Снегосъемка.
По сугробам он
шагает / Бодро
рейку в снег втыкает

СУДЬБА. ✓

С ФОНАРЯМИ НЕПОЛАДКИ
С ЧЕМ Я ВЫЙДУ НА ПЛОЩАДКУ?

35.

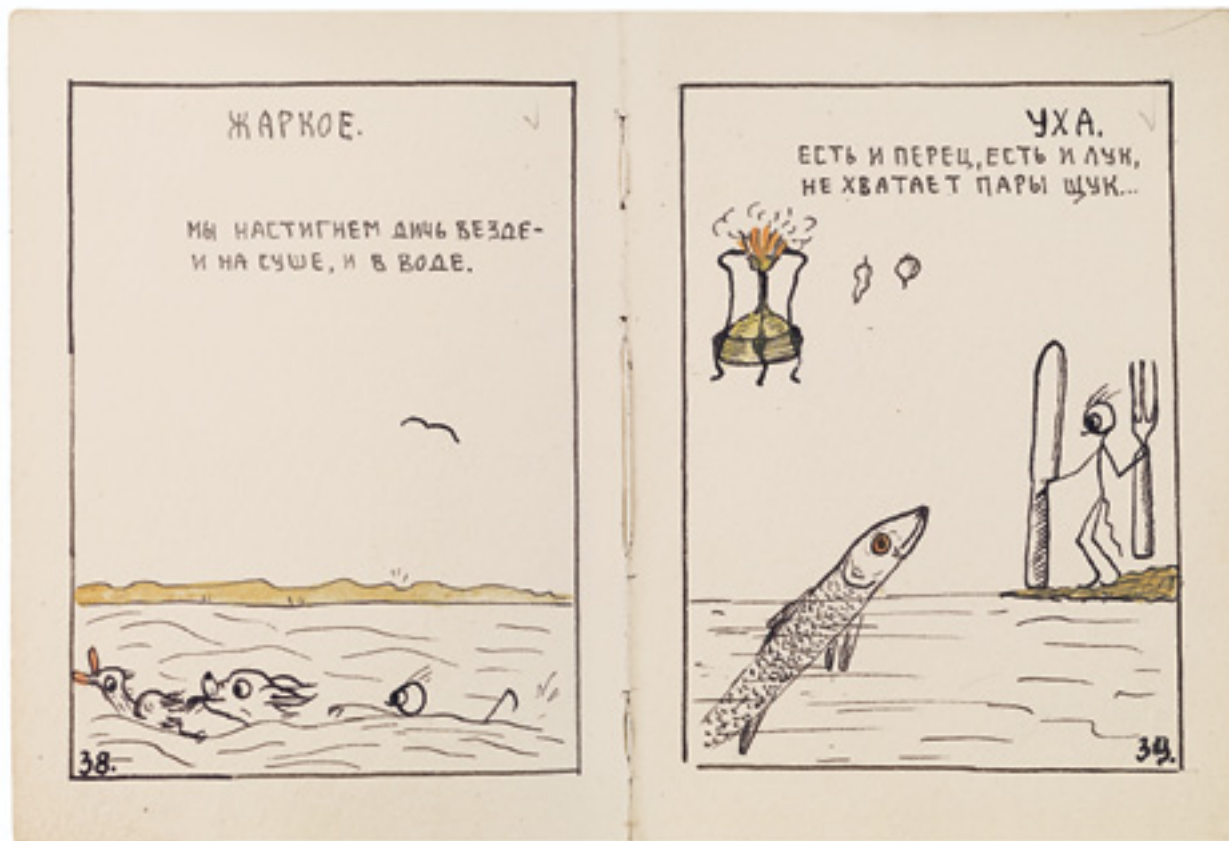
35. Судьба. С фона-
рями неполадки /
С чем я выйду на
площадку?

36. Утопическое
положение

37. Джаман-Сары-су.
Разлилася вширь
река / Переправа
не легка.

38. Жаркое. Мы настигнем дичь везде — / И на суше, и в воде.

39. Уха. Есть и перец, есть и лук / Не хватает пары щук...

40. В нарпит. По Джаман-Сары-су / Хлеб и ложки я нес.

Нарпит — государственная организация питания рабочих, служащих, учащихся, существовавшая в СССР с 1923 года. Возможно, под «нарпитом» автор подразумевает лагерную столовую для заключенных.

41. Шурф. Закопать бутылки надо / Пот с чертенка льется градом.

Возможно, сцена закапывания бутылок связана с запретом на употребление спиртного в лагере.

ПОЧВЕННЫЕ.

ПОСУДИТЕ ЛЮДИ САМИ
КАК ЛЕГКО НЕ БРАТЬ РУКАМИ.

42

42. Почвенные.
Посудите люди
сами / Как легко
не брать руками

Почвенные термометры применяются для измерения температуры почвы на поверхности и на разных глубинах.

ОСАДКИ.

В ДОЖДЕМЕРЕ ЕСТЬ ОСАДКИ
ДЛЯ ЧЕРТЕНКА НОША СЛАДКА.

43.

43. Осадки. В дожде-
мере есть осадки /
Для чертенка ноша
сладка.

Дождемер (осадкомер или пловиио-метр) используется для измерения количества осадков.

СМЕРЧ.

ЗАДАЛ ВИХРЬ ЧЕРТЕНКУ ТРЕПКУ
УНЕСЕТ ЕГО ЗА СОПКУ.

44.

44. Смерч. Задал вихрь чертенку трепку / Унесет его за сопку.

БАЛАНС

Feci quod potui, faciant meliora potentes

СДАН ОТЧЕТ, БАЛАНС ПОДБИТ
ОТТОГО И ГОРДЫЙ ВИД.

45.

45. Баланс. Сдан отчет, баланс подбит / Оттого и гордый вид.

Надпись карандашом:
Feci quod potui, faciant meliora potentes — латинское крылатое выражение: «Я сделал [все], что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше».

АВРАЛ.

В СТЕПЬ ТЕРМОМЕТР УМЧАЛСЯ
НЕ ЛЕГКО ОН МНЕ ДОСТАЛСЯ.

46.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

НАЧАЛСЯ РАБОЧИЙ ДЕНЬ,
ПРИГОТОВЛЕН БЮЛЛЕТЕНЬ.

47

46. Аврал. В степь
термометр умчался /
Не легко он мне
достался.

47. Бюллетень.
Начался рабочий
день / Приготовлен
бюллетень.

48. Производственное совещание. Он противника накажет, / Он свое ему докажет!

Надпись карандашом:
Quousque tandem, Catilina, patientia nostra? (лат.)—«До каких же пор ты, Катилина, будешь испытывать наше терпение?» (начало известной речи Цицерона против Луция Сергия Катилины).

49. Обед. Я на ложке рыбью еду / К долгожданному обеду.

КВАС.

ВЫПИЛ КВАСУ-ХВОСТИК ВНИЗ
МИГОМ СКВАСИЛСЯ И СКИС.

50.

В БОЛЬНИЦУ

И В БОЛЬНИЦУ ПО ДОРОЖКЕ
ОН БРЕДЕТ НА ВЯЛЫХ НОЖКАХ.

51.

50. Квас. Выпил
квасу — хвостик
вниз / Мигом
сквасился и скис.

51. В больницу.
И в больницу по
дорожке / Он бредет
на вялых ножках.

ВЕЧЕРКОМ.

Я С ДРУЖОЧКОМ ПОСИЖУ -
ВСЕ, ЧТО ЗНАЮ, РАССКАЖУ.

52.

РЕВИЗИЯ.

Terror antiquus

РЕВИЗОР ПРИЕХАЛ К КРОШКЕ,
ЗАДРОЖАЛИ ХВОСТ И НОЖКИ.

53.

52. Вечерком.
Я с дружкой
посижу — / Все, что
знаю, расскажу.

53. Ревизия. Ревизор
приехал к крошке, /
Задрожали хвост
и ножки

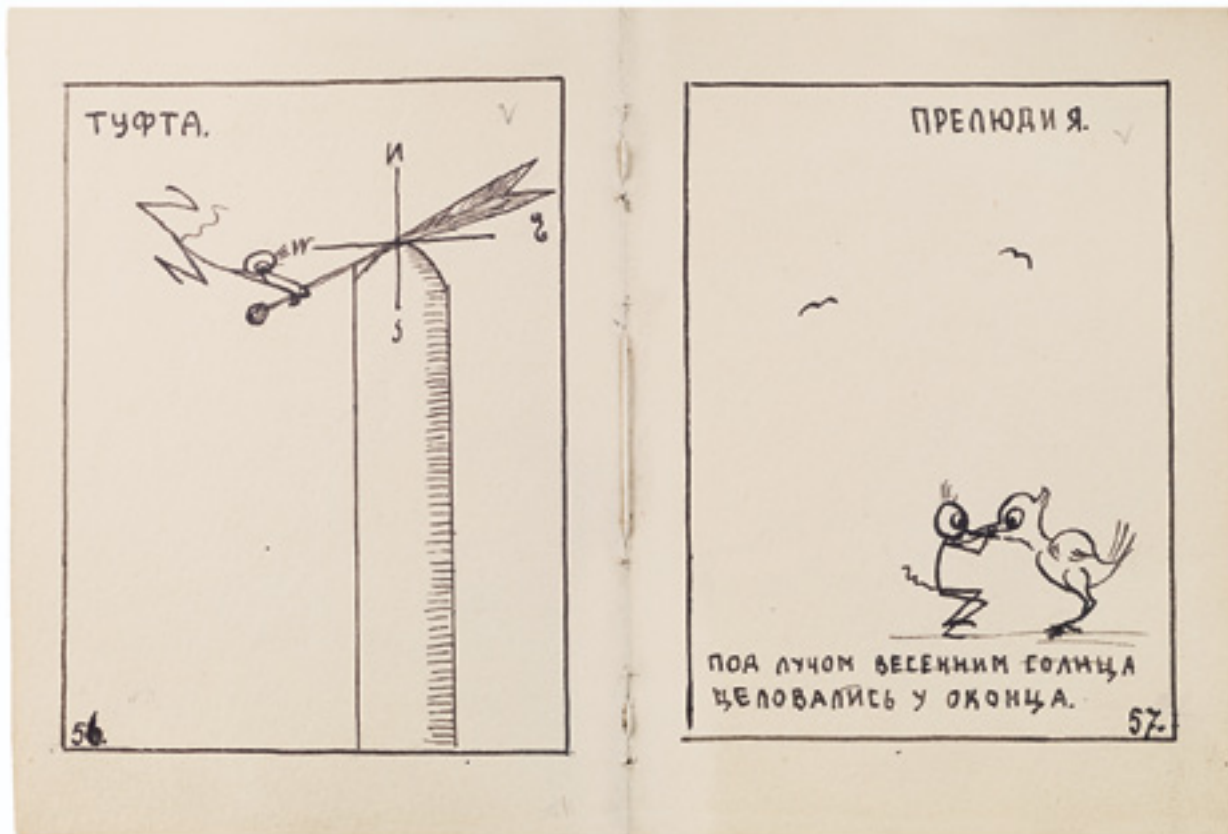
Надпись
карандашом:
Terror Antiquus
(лат.) — «Древний
ужас».

54. Кризис.
Нет в бидоне
керосина / Изведет
завхоз-дубина!

55. Завхоз Петя.
Керосин давай, зав-
хоз: / ...Ухо...горло...
рот и нос!..

Надпись
карандашом:
*Dixi et animam meam
levavi* (лат.) — «Я ска-
зал и тем спас свою
душу».

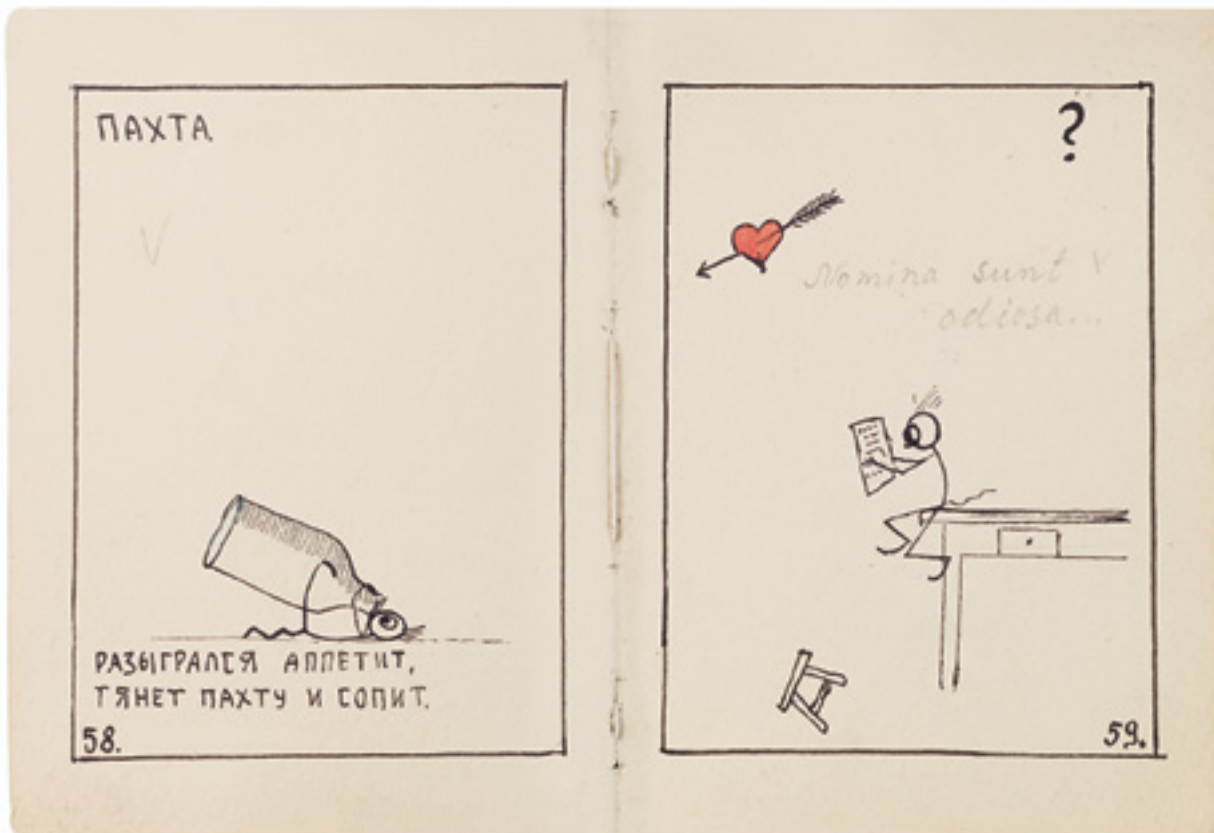
56. Туфта.

Туфта — обман; работа, сделанная лишь для видимости.

57. Прелюдия. Под лучом весенним солнца / Целовались у оконца.

58. Пахта.
Разыгрался аппетит,
Тянет пахту и сопит.

Пахта — побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока.

59. ?

Надпись
карандашом:
Nomina sunt odiosa
(лат.) — «Имена нена-
вистны», т. е. имена
нежелательны.

60. Диаграммы.
День за днем малыш
упрямо / Составляет
диаграммы

Надпись
карандашом:
Ora et labōra (лат.) —
«Молись и трудись».

61. Первенство.
Наша станция
опять / Сорвала
оценку пять!

КОШМАР.

СНИТСЯ ЧОРТИКУ НЕ РАЗ
✓ ЧТО НАСТАЛ РАСПЛАТЫ ЧАС.

62.

62. Кошмар. Снится чортику не раз / Что настал расплаты час.

ОХОТА.

ТЫ СКАЧИ СКОРЕЙ ТУШКАНЧИК
В МОЙ ПУСТУЮЩИЙ КАПКАНЧИК

63.

63. Охота. Ты скачи скорей тушканчик / В мой пустующий капканчик

КАТАСТРОФА.

СОСТАВНО ЭТОГО РАБОТА МЕТЕО-СТАНИИ
ЗА МАЙ И ИЮНЬ С.С. ПИАННИ ВАРЕН
СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ:

ПОСТУПНО	ОТДЕСТА ЗА РАБОТУ	МАЙ	ИЮНЬ	СРЕ- ПЕЧА
ОРТАН	ЧЕДРО	87	85	183
СКОС	АРМОС	88	86	176
САНАРЕК	ТОСЕННО	75	87	162
ПРОСТОРИ	БАВНОС	84	78	169
КОАТНИКО	РАНИС	76	86	165
ДОАИИКА	КАЛС	88	78	164

ВРЕД НАМ С.С.
УДАВАТА

ПОГЛЯДЕЛ ОН, УДИВИЛСЯ
И ОТ ГОРЯ УДАВИЛСЯ...

64.

ЛИВНИ

БЕДНЫЙ ЧОРТУШКА СО СТРАХУ
СТАЛ ПОХОЖ НА ЧЕРЕПАХУ.

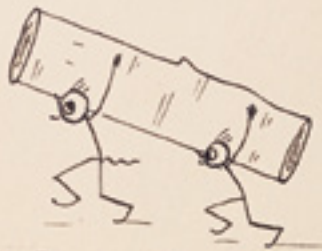
65.

64. Катастрофа.
Поглядел он, уди-
вился / И от горя
удавился...

65. Ливни. Бедный
чортушка со страху /
Стал похож на
черепаху.

МЕЛКАЯ КРАЖА.

ЖДАТЬ ИМ НЕ ОТ КОГО ЛАСКИ-
ПРУТ, АЖ НА ЛОБ ЛЕЗУТ ГЛАЗКИ.

66.

ДОБЫЧА.

УБИРАЙСЯ! ЭТА ПТИЦА
НАМ НА ЧУЧЕЛО ГОДИТСЯ!

67.

66. Мелкая кража.
Ждать им не от кого ласки — / Прут, аж
на лоб лезут глазки.

67. Добыча. Уби-
райся! Эта птица /
Нам на чучело
годится!

ФЛЮС.

...СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ
68. ДА ВСЮ ПРАВДУ ДОЛОЖИ...

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ.

СТОЙ, ПОДЛЕЦ! НЕ УДЕРЕШЬ -
ТЫ НА ЧУЧЕЛО ХОРОШ...

69.

68. Флюс. ...Свет мой, зеркальце, скажи / Да всю правду доложи...

69. Дела музейные. Стой, подлец! Не удерешь — / Ты на чучело хорош...

МИР ПРАХУ ТВОЕМУ, ДОРОГОЙ
ДРУГ!

ЛАПКАМИ РЫЛЬЦЕ УТИРАЛ,
ЗА СЛЕЗАМИ СВЕТА НЕ ВИДАЛ.

70.

БЕССОННИЦА.

71.

70. Мир праху тво-
ему, дорогой друг!
Лапками рыльце
утирал, / За слезами
света не видал.

71. Бессонница.

ТРУДАРЕТЬ «ПУХ И ПЕРО»

ЛОВИМ, РЕЖЕМ, НАБИВАЕМ,
ДАРОМ ЧАСУ НЕ ТЕРЯЕМ.

72. Трудартель «Пух и перо». Ловим, режем, набиваем, / Даром часу не теряем.

ОБНОВКА.

ОН ОБНОВКЕ ЭТОЙ РАД,
ПОМОГАЕТ ВСЮДУ БЛАТ.

73. Обновка. Он обновке этой рад, / Помогает всюду блат.

ПРОГНОЗ.

ПОСТРАДАЛИ ЗА ПРОГНОЗ
74. РОЖКИ, НОЖКИ, ХВОСТ И НОС.

74. Прогноз.
Пострадали за про-
гноз / Рожки, ножки,
хвост и нос.

АРХИВ.

«Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗВИГ,
НЕРУКОТВОРНЫЙ»

*Exegi monumentum
aere perennius.*

75

75. Архив. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»

Надпись
карандашом:
Exegi monumentum
aere perennius — «Я
воздвиг памятник»
(начало знаменитой
оды Горация).

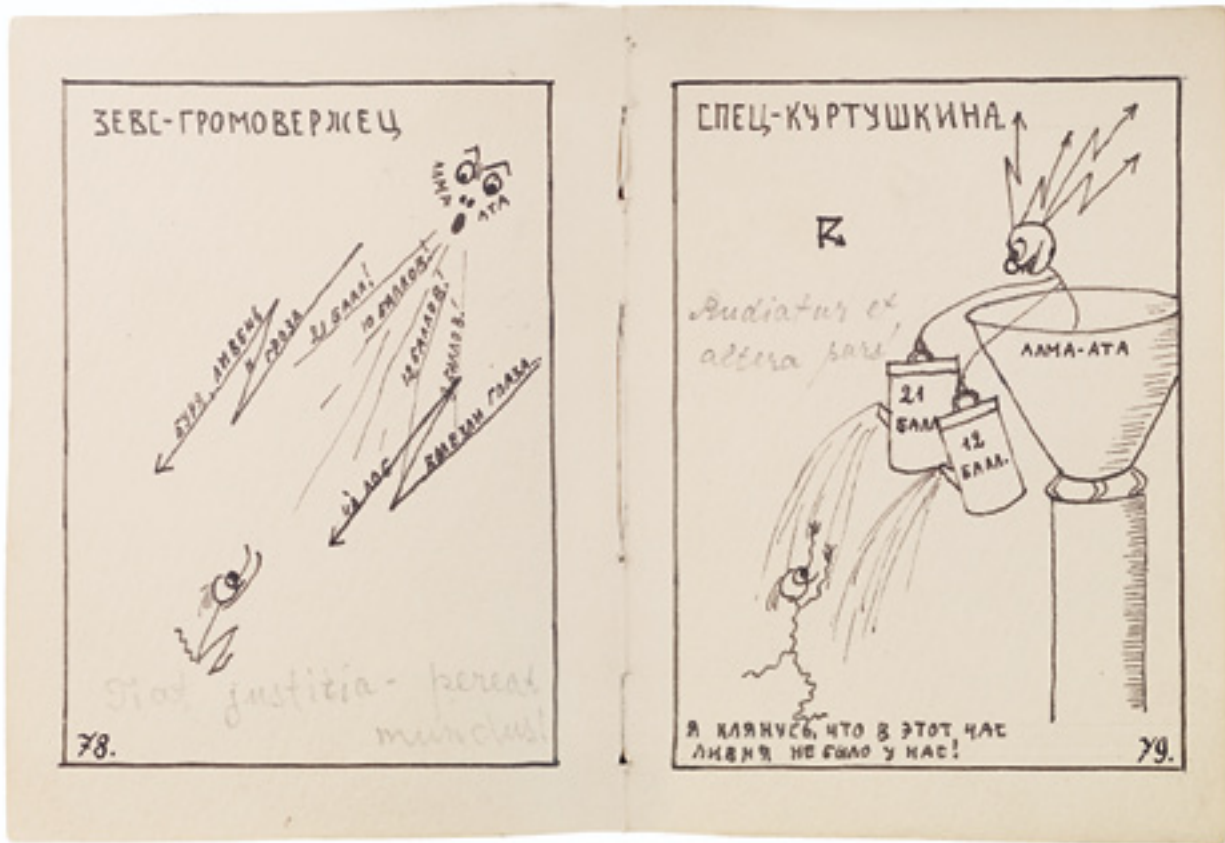

76. Вор. Караул!
Держите вора! / Все
приборы стащит
скоро.

Надпись
карандашом:
Fecit cui profuit
(лат.) — «Совершил
тот, кому это было
выгодно».

77. Недоразумение.
Посылаю сводки
в срок / Чем заслу-
жен ваш упрек?

78. Зевс-громовержец. Буря, ливень и грозы / на лоб вылезли глаза...

Надпись карандашом: Fiat justitia et pereat mundus (лат.) — «Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие».

79. Спец-Куртушкина. Я клянусь, что в этот час / Ливня не было у нас!

Надпись карандашом: Audiatur et altera pars (лат.) — «Следует выслушать и другую сторону».

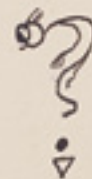
SOS! SOS!

80

80. SOS! SOS!
Где Вы, Слава?
Ждем мы Вас / Каж-
дый день и каждый
час

„ЛОГИКА“

КАК И ЧЕМ МНЕ ДОКАЗАТЬ,
ТО... ЧТО 2×2 — НЕ ПЯТЬ?

81

81. «Логика». Как
и чем мне доказать /
То... что 2×2 — не
пять?

БЕЗЫСХОДНОСТЬ.

ЧУЯ БЛИЗКУЮ ГРОЗУ,
УТИРАЕТ ОН СЛЕЗУ.

82.

82. Безысходность.

Чуя близкую грозу, /
Утирает он слезу.

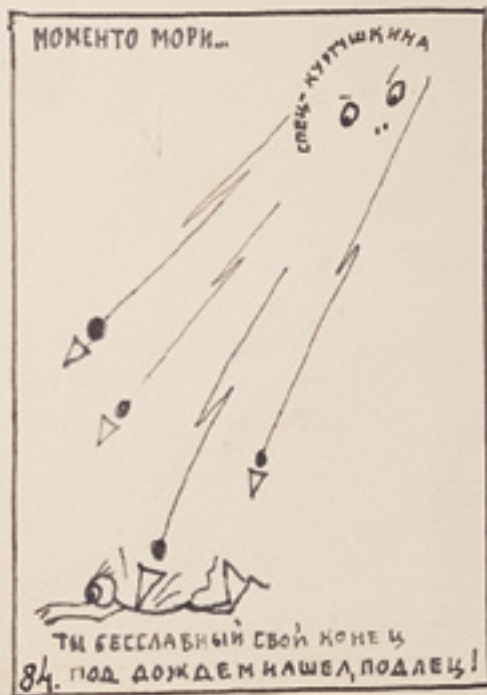
ДОКАЖИ!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРОСТЫ:
ТЫ — НЕ Я, А Я — НЕ ТЫ.

83.

83. Докажи! Доказа-
тельства просты: /
Ты — не я, а я — не ты.

84. Моменто мори...
Ты бесславный свой
конец / Под дождем
нашел, подлец!

85. Угробили! Не
оценки, а поклёп — /
Уложили крошку
в гроб...

Надпись
карандашом:
*De mortuis aut
bene, aut nihil*
(лат.) — «О мертвых
или хорошо, или
ничего».

СТРЕПТОКОК.

ЧУТЬ, ПРОКЛЯТЫЙ СТРЕПТОКОК,
В ГРОБ ЕГО НЕ УВОЛОК...

86.

86. Стрептокок.
Чуть, проклятый
стрептокок, /
В гроб его не
уволок...

СИРОТКА.

ПОКИДАЕШЬ НА КОГО,
ТЫ ЧЕРТЕНКА СВОЕГО?

87.

87. Сиротка. Поки-
даешь на кого, / Ты
чертенка своего?

Надпись
карандашом:
Conditio sine qua
non (лат.) — «необ-
ходимое условие»
букв., «то, без чего
невозможно».

1942г

ПОЛОН ГОРЯ И ЗАБОТ
НАСТУПИВШИЙ НОВЫЙ ГОД.

*tempora mutantur et nos
mutamur in illis.*

88.

88. 1942 г. Полон
горя и забот / Насту-
пивший новый год.

Надпись
карандашом:
Tempora mutantur
et nos mutamur in
illis (лат.) — «Вре-
мена меняются, и мы
меняемся с ними».

„ТУШЭ“

ПЕЧЕНЬ НА КИШКЕ ВЕРХОМ,
ПОЧКА КНИЗУ КУВЫРКОМ!

89.

89. «Тушэ». Печень
на кишке верхом, /
Почка книзу
кувырком!

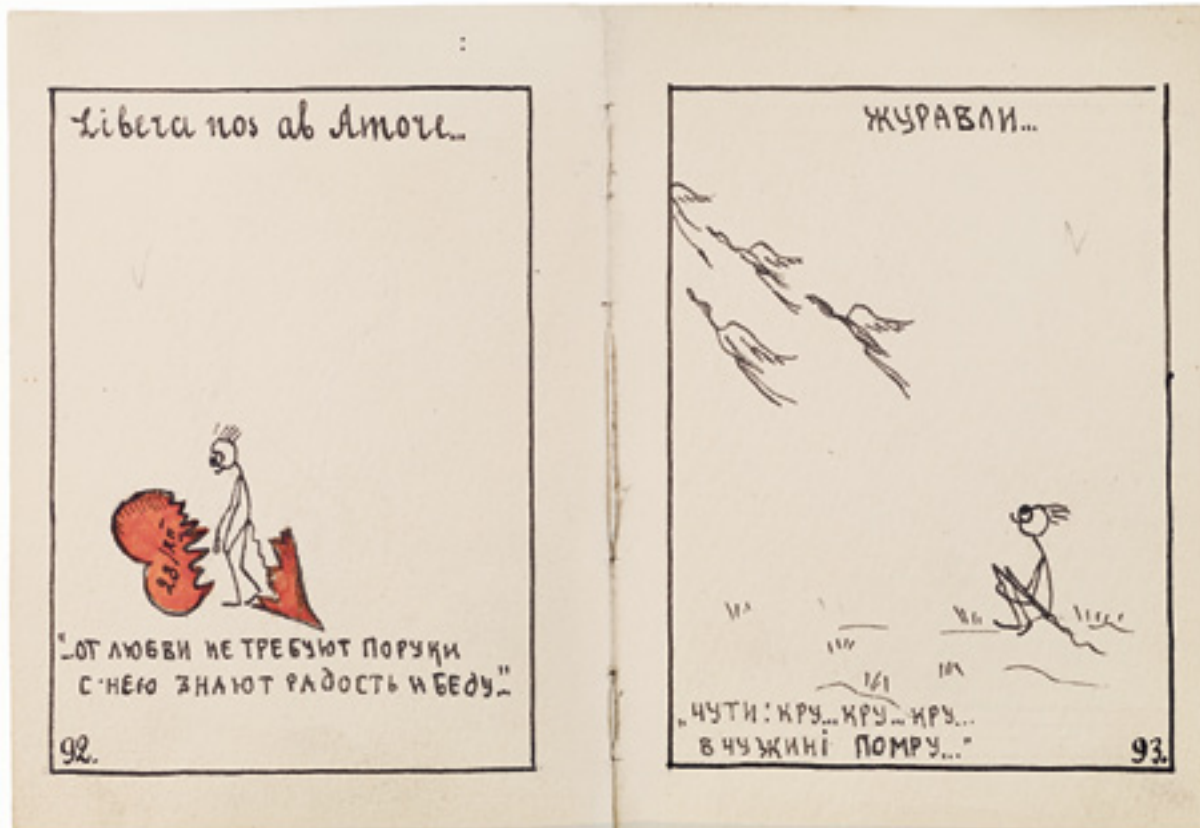

90. Хрыч с ножиком.
Милый доктор,
помоги! / Я ж оста-
нусь без ноги...

91. Что день
грядущий мне
готовит.

Дни идут, окончен
срок / Прозвонит ли
мой звонок?

На рисунке указана дата «10/V»: 10 мая 1942 года подошел к концу пятилетний срок заключения Раницкой, который берет начало с момента ее ареста, 10 мая 1937 года. Однако «звонка» пришлось ждать еще более четырех лет: О. М. Раницкая смогла покинуть Карлаг только в августе 1946 года. 22 июня 1941 года вышла директива НКВД, предписывающая: «Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов... и других опасных преступников». Надпись карандашом: Alea iacta est (лат.) — «Жребий брошен».

92. Libera nos ab Amore. «...От любви не требуют поруки / С нею знают радость и беду...»

Приведенные строки — цитаты из стихотворения Сергея Есенина «Я спросил сегодня у менялы...» (1924 год). Значение даты 28/XII неизвестно.

93. Журавли... «Чути: кру...кру...кру... / В чужині помру...»

Слова из стихотворения Богдана Лепкого «Чуеш, брате мій...» (1910 год), положенного на музыку и ставшего популярной украинской народной песней.

94. -38,7°. Он в степи гулять любил, / Бедный хвостик ознобил.

95. Доказал! Оправдавшись, он опять / Получает только пять.

96. Короткий разговор. Этот странный разговор / Помнит чортик до сих пор!

Надпись карандашом: *Saveant consules* (лат.) — «Пусть консулы будут бдительны».

97. Ремонт. Негодяй! Зануда! Вор! / Ремонтируй мой прибор!

98. Мечта. ...И была права, что обманула / та мечта, как всякая мечта. / По душе безжалостно хлестнула / Грубою веревкою кнута...

Неточная цитата из стихотворения Александра Блока «Перед судом» (1915 год). В оригинале: «Что же делать, если обманула / Та мечта, как всякая мечта, / И что жизнь безжалостно стегнула / Грубою веревкою кнута?»

УБИВЕЦ

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS!

99. «Убивец». *Noli turbare circulos meos!* (лат.) — «Не трогай моих чертежей!», «Не трогай моих кругов!» — крылатое выражение, приписываемое Архимеду: по легенде так Архимед ответил римскому солдату, который потребовал, чтобы ученый прервал свою научную работу; за неповиновение Архимед был убит.

100. Ночь. Спит чертенок на боку / А часы ку-ку... ку-ку...

101. В гостях. Старый чорт и молодой / Дружно ходят за едой.

ПРОВОДЫ.

ПРОВОДИЛИ ДО ДВЕРЕЙ,
- ПРИХОДИТЕ ПОСКОРЕЙ! -

102.

102. Проводы.
Проводили до дверей,
/ — Приходите
поскорей!

АТАКА

ГРУППОВИХ УЧЪ

...И ЛИЗАЛИ, И ЖЕВАЛИ
И ПОДНЯТЬСЯ НЕ ДАВАЛИ...

103.

103. Атака. И лизали,
и жевали / И под-
няться не давали...

УВЕЧЬЕ.
НЕТ НИ ГИПСА, НИ ЛУБКА,
ПРОПАДЕТ МОЯ РУКА!

104.

104. Увечье. Нет ни гипса, ни лубка, / Пропадет моя рука!

ЁЖ.

... ГОВОРЯТ, ЧТО ТЫ, МОЙ ЁЖ
НИЧОГО НЕ ПРИЗНАЕШЬ!..

*Amicus Plato, sed magis
amicus veritas est.*

105.

105. Ёж. ...Говорят, что ты, мой ёж / Никого не признаешь!..

Надпись
карандашом:
*Amicus Plato, sed
magis amicus veritas
(лат.) — «Платон —
друг, но больший
друг — истина».*

106. Зеркало. Чертик полон изумленья, / Чертик клюв открыл в волненьи...

107. Прогулка. Удивляется народ: / — «Что за парочка идет?»

108. Расправа.
Разозлившись
не на шутку, / Он
скубит и треплет
утку.

Надпись
карандашом:
Roma locuta, causa
finita (лат.) — «Рим
высказался, дело
закончено».
«Скубити, скубить» —
щипать птицу.
Толковый словарь
Даля. В.И. Даль.
1863–1866.

109. Покрытка.
Плача, бедная
девица, / На чердак
идет давиться...

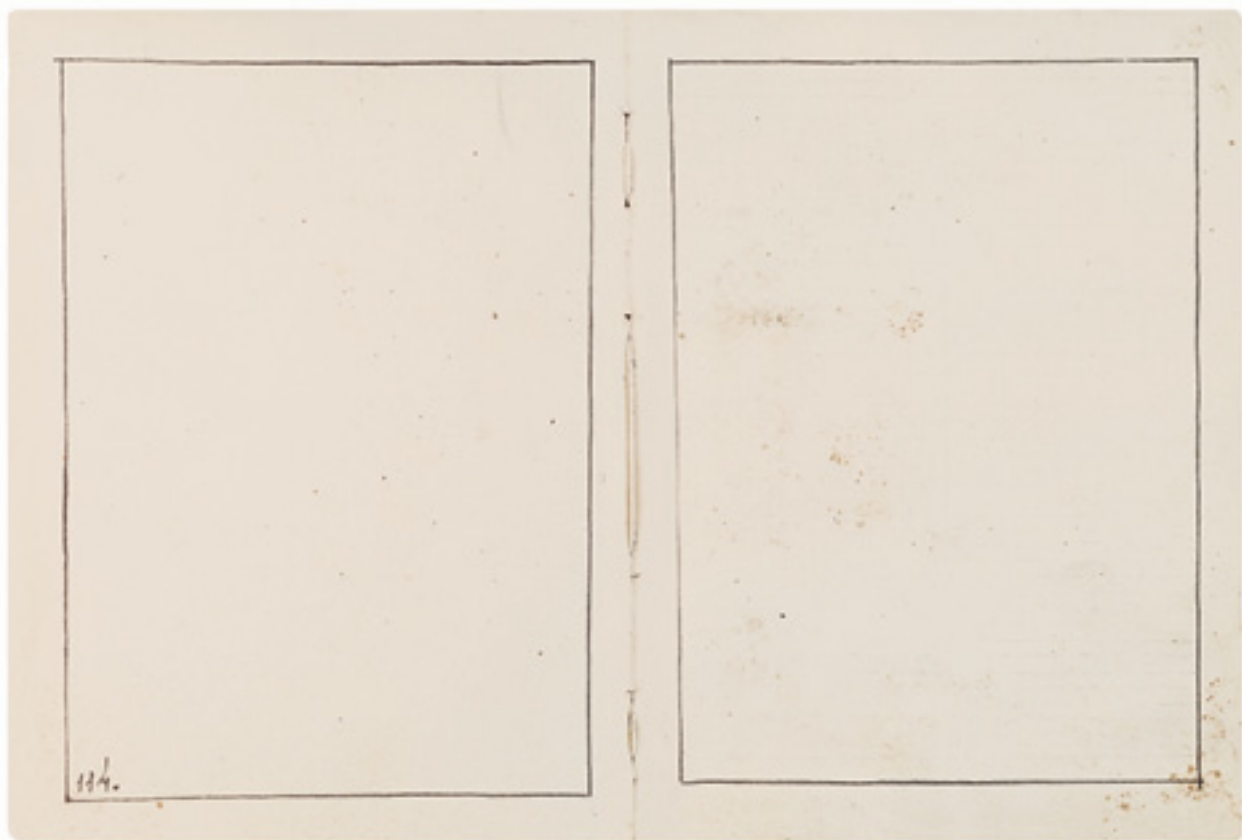
«Покрытка —
в Малороссии
так называется
девушка, потеряв-
шая невинность
и родившая
ребенка. Еще
недавно суще-
ствовал обычай
обрядного покры-
вания головы
такой девушке: две
или три пожилые

женщины прихо-
дили к ней в дом,
делали выговор
и повязывали ей
голову платком.
Покрывали обык-
новенно забереме-
невших. Эта огласка
беременности до
некоторой степени
предупреждала
детоубийство.
Участь покрыток
была печальная.
Т. Г. Шевченко часто
останавливается
на горемычной их
доле и винит их
развратителей —
панских паничей,
приказчиков,
солдат. П. выведены
в «Катерине»,
«Наймичке», «Сне»,
«Марине» и др.
стихотворениях
Шевченко».
Энциклопедический
словарь Ф. А. Брокгау-
за и И. А. Ефрона. —
С.-Пб.:
Брокгауз-Ефрон.
1890–1907.

10 апреля 1938 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило Ольгу Михайловну Раницкую к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Для отбывания наказания она была этапирована в Карагандинский ИТЛ, где находилась с 10 июня 1938 года по 12 августа 1946 года и работала на метеостанции Коктункульского лагерного отделения.

Карлаг

Карагандинский исправительно-трудовой лагерь

Местонахождение: Казахская ССР, Карагандинская область

Центр: село Долинское (Долинка)

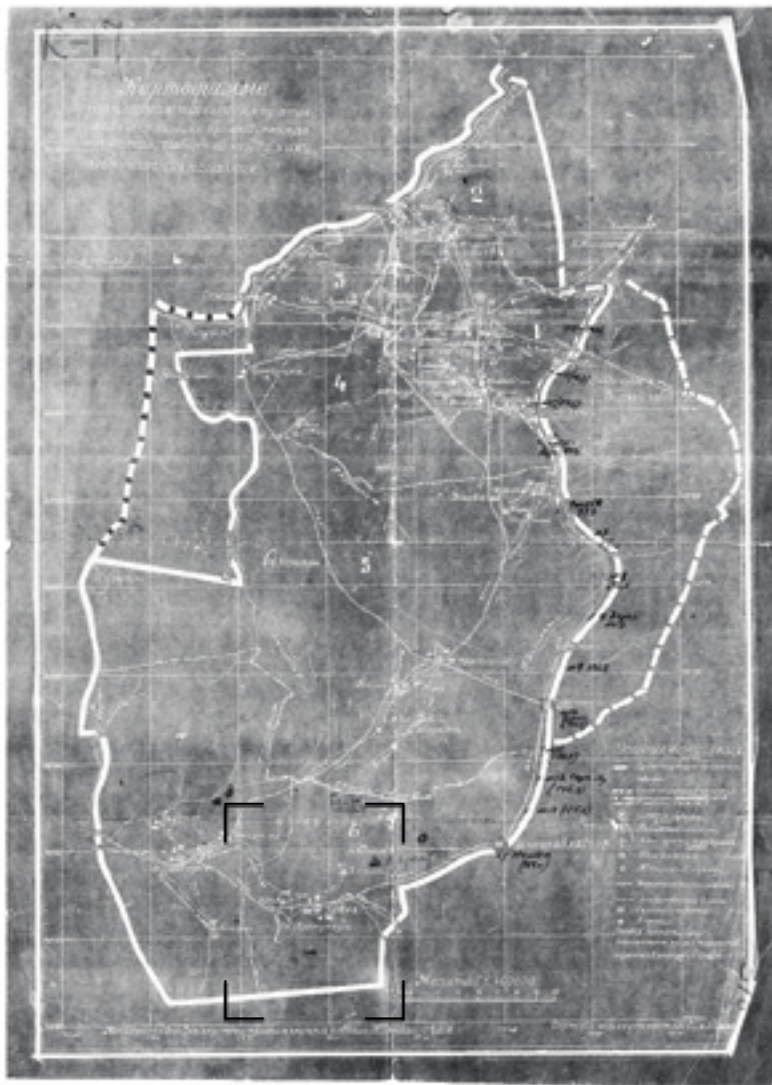
Производство: Сельское хозяйство, в основном — животноводство. Промышленное производство (металлообработка, деревообработка, швейное), производство стройматериалов, работа на стекольном заводе, сахарном заводе, овощесушильном заводе, работы на угольных шахтах, в известковом карьере, производство товаров ширпотреба, ловля рыбы на озере Балхаш, строительство совхозов и зерноскладов на целинных и залежных землях Казахской ССР.

Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) был одним из крупнейших сельскохозяйственных и промышленных лагерей системы ГУЛАГ. Он был основан в сентябре 1931 года на базе совхоза «Гигант», созданного Казакстанским* ИТЛ ОГПУ. Одной из главных целей создания Карлага

* «Казакстан» — официальная форма русскоязычного написания, действовавшая в 1930-е годы.

Здание управления Карлага в поселке Долинка. Фотография сделана Эдуардом Недирбаевичем Айтаковым в 1970-х годах

Картограмма Карлага. Выделенный участок — Коктункульское отделение, где отбывала наказание О. М. Раницкая

была организация крупной продовольственной базы и бесплатной рабочей силы для бурно развивающейся промышленности Центрального Казахстана, в частности — Карагандинского угольного бассейна. Лагерь просуществовал до 1959 года.

Лагерь стал местом заключения многих российских культурных и общественных деятелей — писателей, ученых, священнослужителей, осужденных по контрреволюционным статьям. В начале 1942 года более половины лагерного контингента составляли политзаключенные — 26 990 из 41 019 человек. Максимальное количество узников содержалось в Карлаге в 1949 году — 65 673 человека.

[Источник: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справ. М., 1998. С. 285.]

Коктенколь (Коктункуль)

Коктункульское отделение Карагандинского ИТЛ

Координаты: 48°33'59" с. ш. 72°12'13" в. д.

Современное название этой местности — Коктенколь. В 1930–1950-х годах прошлого века здесь располагалось Коктункульское лагерное отделение — подразделение Карлага, специализировавшееся на молочном животноводстве. На схеме показан сам лагерь и удаленные участки — степные фермы, расположенные в окрестностях озера Коктункуль.

На следующем развороте приведен увеличенный фрагмент схемы, на котором отмечено расположение метеостанции, где работала О. М. Раницкая.

[Материалы предоставлены Музеем памяти жертв политических репрессий п. Долинка (Казахстан).]

План-схема Коктункульского отделения Карлага М. В. Д.

- На схеме:
Туберкулезный стационар—1
Крольчатник—3
Склад ядов—4
Амбулатория—8
Медстационар—9
Метеостанция—10
Баня-прачечная—11
Штрафной изолятор—13
Клуб—14
Барак з/к з/к в зон.—15
Дом в/н состава—16
Овощехранилище—17, 18, 19
База крупного рогатого скота—25, 26
Волоня—27
Ветстационар—28
Телятник—29
Конюшня—30
Детский интернат—34
Казармы Вохр—40
Морг и лазарет—133
Жилой барак на 82 человека—150
Жилой барак на 57 человек—174
Жилой барак на 50 человек—178
Жилой барак на 50 человек—182

«Летом у нас преобладают северо-восточные ветры»

Метеосеть Карлага

В огромную инфраструктуру Карлага входила собственная метеосеть. Метеостанция в Коктункуле была открыта одной из первых — в 1932 году. Ко времени создания Книжечки (1941–1942 гг.) метеосеть включала в себя уже шесть станций: Долинское, Самарская, Просторное, Коктункуль, Ортау, СХОС. Сотрудниками станций были заключенные.

Собранные данные анализировались и публиковались в виде климатических справочников, которые печатала типография Карлага в Долинке. Помимо метеорологических данных справочники включали результаты наблюдений за дикой природой: время прилета птиц, появления бабочек, начала цветения. Интересен текст предисловий к этим изданиям. Излагая сухие научные факты, метеорологи Карлага пишут о здешней природе с большой теплотой и любовью: «у нас», «наша территория», «наша температура»... «Зима у нас — самое продолжительное время года...», «Летом у нас преобладают северо-восточные ветры...». За годы неволи эта лишившаяся коренных жителей земля превращается для заключенных в свою, родную, а природа становится не только объектом исследования, но и источником бесконечного утешения.

Информация, собираемая метеосетью Карлага, была предназначена главным образом для агрономов Карагандинского совхоза НКВД, но данные о погоде также передавались в Алматы, в республиканскую метеослужбу. На страницах Книжечки встречаются сюжеты, рассказывающие о страхе метеорологов перед оценками и критикой алматинских кураторов. Этот страх становится понятен, если учесть условия военного времени.

С началом войны статус метеорологической информации изменился: Главное управление Гидрометеорологической службы со всеми своими подразделениями было включено в состав Вооруженных Сил СССР, а Казахское управление гидрометслужбы передано в ведение Среднеазиатского военного округа. Данные о погоде теперь имели стратегическое значение,

I. Общие сведения

Географическое положение

Метеостанция	Положение долготы	Средняя широта	Высота над уровнем моря
Доланское	72° 42' 12"	49° 29' 31"	425 м
Самарское	72° 42' —	49° 40' —	438 м
Просторное	72° 34' —	49° 41' —	425 м
Костыкуль	72° 12' —	49° 30' —	346 м
Ортау	72° 31' —	49° 35' —	469 м

Среднее число ветлых дней по общей облачности по месяцам.

Метеостанция	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год	Показатель ветловости
Доланское	2	6	5	6	4	7	6	8	10	6	5	5	15	11 д.
Самарское	6	5	4	3	2	6	4	6	8	6	4	4	51	19 д.
Просторное	8	7	5	7	5	6	6	11	11	7	5	7	65	9 д.
Костыкуль	7	8	5	6	6	7	6	10	11	8	6	7	66	19 д.
Ортау	8	10	4	5	4	9	7	11	10	7	7	6	66	6 д.

Наименьшая температура воздуха по годам

Метеостанция	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	Мин. абсолютная
Доланское	-31,3	-41,5	-47,1	-37,4	-34,6	-40,5	-43,6	-36,0	-30,5	-36,6	-36,8	-43,0
Самарское	—	-36,0	-33,5	-35,2	-28,8	-39,5	-41,7	-37,8	-34,8	-37,2	-37,4	-41,7
Просторное	—	-39,4	-37,5	-32,9	-33,0	-36,3	-38,9	-30,0	-32,0	-34,0	-33,2	-39,9
Костыкуль	-32,5	-44,0	-43,2	-39,3	-27,8	-40,0	-47,5	-35,0	-33,1	-36,7	-34,5	-47,3
Ортау	—	—	—	—	-31,0	-36,3	-36,8	30,6	-20,1	-34,1	-29,1	-34,6

Средн. дата	Комбинация	Явления	Средн. дата	Комбинация	Явления
Март 19	14-22-25-31	Пролет жаворонка	Май 7		Полет жаворонка (продолжение строительства)
20	14-22-26-31	Появление ворон и грачей			
21	17-21-29-31	Пролет грачей			
26	18-21-14V	Пролет утки	13		Смещение птиц (продолжение миграции)
30	19-21-9-2V	Пролет грачей	17		Лобовая миграция (продолжение миграции)
Апрель 4	4-2V-12IV	Профульжение скворца от зимней осы			
5	20-21-13-2V	Пролет дрозда	18		Вылет Уголка (отлет Уголка)
7	20-21-14-2V	Пролет птиц, жаворонка			
8	3-2V-14-2V	Пролет белой тряпачки			
11	10-21-19-2V	Пролет зимнего жучка	19		Полет жаворонка (продолжение миграции)
14	13-2V-14-2V	Пролет журавля			
15	15-2V-16-2V	Появление обыкновенного овсяра	20		Угнетение (перелет) жаворонка
15	15-2V-8-2V	Появление обыкновенного дятла			
17	18-2V-20-1V	Пролет дятла	Август 7		Полет птиц (отлет Голубя)
20	20-2V-3-2V	Появление жучки, пролетки	8		Курай (отлетела Курай)
25	20-2V-25-2V	Вылет жаворонка овсяра			

Фрагменты таблиц из климатического справочника, выпущенного метеосетью Карлага в 1942 году

и это сделало положение заключенных-метеорологов еще более уязвимым: люди, ранее уже осужденные по контрреволюционным статьям, теперь ежедневно работали с данными, относящимися к военному ведомству, и любая критика могла иметь самые серьезные последствия.

Метеосеть Карлага просуществовала более двадцати лет. За это время был собран огромный массив гидрометеорологических и фенологических данных. Эти данные можно проследить в более поздних публикациях и научных трудах исследователей климата и природы Казахстана.

Труды и дни метеорологов Карлага зафиксированы в цифрах, которые всегда будут находиться в научном обороте: их используют агрономы, биологи, климатологи, экологи — все, кто продолжает изучать природу этих территорий.

[Использованы данные сайта «Казгидромет»]

О. М. Раницкая была осуждена на пять лет, но фактически провела в заключении более девяти: год в тюрьме и более восьми лет в Карагаге. Освободившись из лагеря в августе 1946 года, она не получила разрешения вернуться на родину и следующие девять лет прожила в Караганде. В 1954 году Ольга Михайловна написала К. Е. Ворошилову письмо с просьбой о полной реабилитации. 28 октября 1955 года Военный трибунал Киевского ВО отменил приговор по делу Раницкой за отсутствием состава преступления.

Председательство
Совету МСССР.
г. Ворошилову.

Ватинукон' Ольга Михайловна,
1905. г. рождения.

Адрес: Караганда
Городской ул. 4.

Уб
885

Завоевние

10/10-1937г. я была арестована в Киеве, как вы-
ступила у следователя, но, конформистическим
мех., показывая моего б. товарища по комму-
нист.-В. Камандра, о участии моем в каком-
либо преступлении. Этот сошлюмо его преступле-
ние и мое участие в нем. Мне неизвестно, в.к.
с содержанием дела Камандра меня в процессе
следствия не называли.

Мне меня стало известно что это могло быть
связано с моей работой в органах НКВД, к которой
меня привлекли, желая использовать мое служеб-
ное (в кассе) знакомство с сотрудниками народного
хозяйства в Харькове. Мне убедил что это
необходимо в интересах государственного хозяй-
ства. Однако работа эта прекратилась вскоре.
50 привлекли моего отца из Харькова в Киев.
Из до этого случая, на основе него ни с какими
интересными мне статьями не было и не
ходило.

Личные конкретные обвинения на следствии
ни предъявлено не было. При этом, конформис-
тически мне, показывая Камандра на органе
справке отказались, без всякого моего вмешательства
с моей стороны, в его разговоре с следователем, так и
мне было известно, что дело мое прекращается.

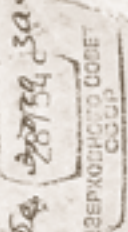
Однако мне из торгового не освобождения и, зная
тот год был объявлен призывом Осербого Совет
щаны о заключении сроком на 5 лет, но подо-
зрительно в отношении.

Практическое освобождение последовало 12/10/1946.
За эти годы погн на войне мои духи,
покончив с собой свои, утратило всё.
Вернувшись к, оставшись в живых, родных и
не могла, да и она осталась сконцентрированы
на. Меню в Караганде, куда, из-за моей ма-
жестой болезни пришла моя мать (73 лет).

В апреле 1953. Я была амнистирована, но
это случилось в моей жизни этот факт?
Норавно это не удовлетворяет, н.к. спецна
предусматривает выку, а-же я-же я-же я-же
годы с кельской обидой и борьбой в душе
от кельской несправедливого казачья (за это)
Трагически-же это не верно мне утратил
ного - доброго имени, семьи и возможности в
мой годы жизни на родике с близкими людьми
Светло, сына-не вернуть. Доброе имя можно
быть восстановлено не амнистией, а только
реабилитацией, а возможность жить там
где мне можно-бы жить хорошо, можно бы
возвращения при условии предоставления
хоть какого-нибудь угла в кнеле, где я могу
бы жить с матерью.

Я прошу Вас приложить участие в моей
судьбе. Я прошу, чтобы на ковах казачья
было переименовано мое имя и устоялось
мой кельской в какон-либо кельской
действительности. Я надеюсь на то, что
мое сохранилось и сгеламь КАРАГАНДИНСКАЯ
Прошу Вас сообщить мне о судьбе 20754 Захарья

О.Павл -

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
т. Ворошилову.
Раницкой Ольги Михайловны,
1905 г. рождения
Адрес: Караганда 8
Ипподромная № 8 кв. 4

Заявление

10/V 1937 г. я была арестована в Киеве, как выяснилось у следователя, по компрометирующим меня, показаниям моего б. товарища по комсомолу — В. Скамандра, о соучастии моём в каком-то его преступлении. В чем состояло его преступление и моё соучастие в нём мне неизвестно, т.к. с содержанием дела Скамандры меня в процессе следствия не познакомили.

Для меня стало очевидным, что это могло быть связано с моей работой в органах МВД, к которой меня привлекли, желая использовать мое случайное (в поезде) знакомство с сотрудником польского Консульства в Харькове. Меня убедили, что это необходимо в интересах государственного порядка. Однако работа эта прекратилась вскоре по причине моего отъезда из Харькова в Киев. Ни до этого случая, ни после него ни с какими иностранцами мне сталкиваться нигде не приходилось.

Никаких конкретных обвинений на следствии мне предъявлено не было. От своих, компрометирующих меня, показаний Скамандра на очной ставке отказался без всякого моего вмешательства в его разговор с следователем, так и не посвятив в их сущность.

Мне было объявлено, что дело моё прекращается.

Однако меня из тюрьмы не освободили, и через полгода был объявлен приговор Особого Совещания о заключении сроком на 5 лет «по подозрению в шпионаже».

Фактическое освобождение последовало 12/VIII 1946.

За эти годы погиб на войне мой муж, покончил с собой сын, утрачено всё. Вернуться к оставшимся в живых, родным я не могла, да и опасалась скомпрометировать их. Живу в Караганде, куда из-за моей тяжелой болезни приехала моя мать (73 лет). В апреле 1953 г. я была амнистирована, но что изменил в моей жизни этот факт? Морально это не удовлетворяет, т.к. прощение предусматривает вину, я же прожила эти годы с неизменной обидой и болью в душе от нелепости незаслуженного наказания (за что?). Практически-же это не вернуло мне утраченного — дорогого имени, семьи и возможности в мои годы жить на родине с близкими людьми. Семью, сына — не вернуть. Доброе имя могло бы быть восстановлено не амнистией, а полной реабилитацией, а возможность жить там, где мне могло бы быть хорошо, может быть возвращена при условии предоставления мне хоть какого-нибудь угла в Киеве, где я могла бы жить с матерью.

Я прошу Вас принять участие в моей судьбе. Я прошу, чтобы на новых началах было пересмотрено мое дело и установлена моя невиновность в какой-либо нечестной деятельности. Я надеюсь на то, что дело мое сохранилось и сделать это возможно. Прошу Вас сообщить о судьбе этого заявления.

В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА.П Р О Т Е С Т

(в порядке надзора)

По делу РАНИЦКОЙ О.М.

10 апреля 1938 года Особим Советением при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР осуждена по ст. 54-6 УК УССР к 5 годам заключения в ИТЛ по подозрению в шпионаже -

РАНИЦКАЯ ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА, 1905 года рожда., уроженка г. Киева, со средним образованием, еврейка, замужняя, домашняя хозяйка, ранее не судима.

РАНИЦКАЯ осуждена за то, что в 1933 году, познакомившись с секретарем польского консульства в г. Харьков- МИЛАШЕВСКИМ и поддерживала с ним тесную связь.

РАНИЦКАЯ познакомилась с МИЛАШЕВСКИМ гр-на СССР СКАМАНДР МАЗЮКЕВИЧА, который вскоре после этого был привлечен МИЛАШЕВСКИМ для шпионской и диверсионной деятельности.

СКАМАНДР-МАЗЮКЕВИЧ избличил и РАНИЦКУЮ в шпионской деятельности.

В жалобе на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, РАНИЦКАЯ просит пересмотреть её дело, т.к. она была осуждена неосновательно.

Решение Особого Советения при НКВД СССР в отношении РАНИЦКОЙ О.М. подлежит отмене по следующим мотивам:

РАНИЦКАЯ виновной себя в принадлежности к агентам польской разведки не признала, показала на допросах, что в 1932г. в поезде случайно она познакомилась с сотрудником польского

консульства МИЛАШЕВСКИМ, который просил её познакомиться с именнейшей у неё художественной литературой.

Об этом знакомстве она рассказала своему мужу СОРОКА В-работавшему в секретариате ВУЦИК, а последний сообщил об этом в органы НКВД, по заданию которых она впоследствии поддерживала связь с МИЛАШЕВСКИМ, неоднократно встречалась с ним у себя дома и вела разговоры о которых информировала сотрудников НКВД. (л.д. 21 - 24, 43 - 46).

В 1934г. у себя на квартире она познакомилась МИЛАШЕВСКОГО со СКОМАНДР-МАЗЮКЕВИЧЕМ Всеволодом, но ни с одним из них не вела разговоров антисоветского содержания.

Весной 1934г. из г. Харькова переехала в г. Киев, в связи с чем прекратила связь с органами НКВД и с МИЛАШЕВСКИМ больше не встречалась (л.д. 45).

СКАМАНДР-МАЗЮКЕВИЧ В.Н. на допросе 29 октября 1937г. показал, что он был завербован в качестве польского агента РАНИЦКОЙ и сотрудником польского консульства в Харькове МИЛАШЕВСКИМ, а на очной ставке с РАНИЦКОЙ 2 НОЯБРЯ 1937г. свои показания изменил и заявил, что о его вербовке РАНИЦКАЯ ничего не знала.

Каких-либо других доказательств, изобличивших РАНИЦКУЮ в шпионской деятельности в деле не имеется. При проверке жалоб РАНИЦКОЙ не установлена её деятельность как агента иностранного государства.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 16 Закона о Судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955г.,

П Р О Ш У:

решение Особого Совещания при НКВД СССР от 10 апреля 1938г. в отношении РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны отменить. Дело РАНИЦКОЙ О.М. прекратить из-за отсутствия в её действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Дело в 1 т. на 154 л. от н/вх. № 0238672, только адресату.

СПРАВКА: гр-ка РАНИЦКАЯ О.М. проживает в г. Караганда, Ипподромная д. 8 кв. 4.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР КИЕВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ МАЙОР ЮСТИЦИИ

(И. БУДАРГИН)

" ОКТЯБРЯ 1955г.

№

20.2/40255/015751

С. К. Р. 2-9
157-
151-
Секретно, Э. К. В.

Секретно, Э. К. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ В 35/6-55

ВЕНЕЦ ТРИЦИАЛ ЮВЕРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В составе : председателемствующего - полковника эсигии МСУРГВА

членов : подполковника эсигии СИРОТЕНКО и
подполковника эсигии КОЗЛОВА

рассмотрел в заседании от 23 октября 1935 года протест военного прокурора ИЗО по делу -

РАЙЦКО Ольги Михайловны, 1906 года рождения,

осужденной 10 апреля 1933 года Судом Советским при Каролном Командаре Вилхельм де л ССР по ст. 54-С УК УССР и пяти годам заключения в ВТБ.

Заслушав доклад тов. СИРОТЕНКО и заключение пом. военного прокурора ИЗО -полковника эсигии РАЙЦОНИНА, об удовлетворении протеста, -

У С Т А Н О В И Л И :

РАЙЦКА осуждена за то, что в 1933 году, разнакомившись с секретарем польского консульства МЕЛАНЕСКОМ, подделывала с ним личную связь и познакомила с ним гражданка СССР СЛАМАЦКА-МАЗЕВСКАЯ, которого МЕЛАНЕСКОМ привлек для шпионской и диверсионной деятельности.

В протесте прокурор просит решение Особого Советания при ИВД ССР по делу РАЙЦКО отменить по следующим мотивам.

РАЙЦКА принадежность и агентуре польской разведки ограждала и на допросах показала, что в 1932 году она в посольстве слушала по знакомству с МЕЛАНЕСКОМ. Об этом знакомстве рассказала мужу, работавшему в секретариате ВУИМС, а муж сообщил об этом в органы ИСБ, по заданию которых она и подделывала впоследствии связь с МЕЛАНЕСКОМ, интригуя в о встречах работников ИСБ /л. д. 21, 43/. У себя на квартире она действительно познакомила СЛАМАЦКА-МАЗЕВСКУЮ с МЕЛАНЕСКОМ, но ни с одним из них разговоров шпионского содержания не вела.

На допросе 29 октября 1937 года СЛАМАЦКА-МАЗЕВСКАЯ показала, что в качестве агента польской разведки он был завербован РАЙЦКОЮ и МЕЛАНЕСКОМ, а на очной ставке 2 ноября 1937 года он заявил, что о его вербовке РАЙЦКА ничего не знала. Каким-либо другими доказательствами виновности РАЙЦКО в шпионской деятельности в деле нет.

При дополнительной проверке жалоб РАЙЦКО, ее действительность, как агента иностранного государства не установлена.

Согласившись с доводами, изложенными в протокте, и считая что в действиях РАЙЦКОИ отсутствует состав преступления и, руководствуясь ст. 346 п.1, 347 УПК УССР, -

О П Р Е Д Е Л И Л :

Решение Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел УССР от 10 апреля 1933. года по делу РАЙЦКОИ Ольги Михайловны отменить и дело в отношении ее провозвостством прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями

Верно :

Член Военного Трибунала УССР
ПОЛИЩОКОВИЧ СТЕПАН

/СИРОТЯНКО/

с подл. сверили : Судсекретарь ВТ КСРО
майор с/г/ми

МОЖАТЬ

Оп. 4 экз.
1-й в нар.т.
2-й в лат.р.
3-й ВТ КСРО
4-й в дело
печ. Зильберберг
В 13035, 20/х-55г.

Определение № 35/6-55

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В составе: председательствующего — полковника юстиции
МАЗУРОВА

членов: подполковника юстиции СИРОТЕНКО и подполковника юстиции КОЗЛОВА

рассмотрел в заседании от 28 октября 1955 года протест военного прокурора КВО по делу —

РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны, 1905 года рождения, осужденной 10 апреля 1938 года Особым Совещанием при Народном Комиссаре внутренних дел СССР по ст. 54-6 УК УССР к пяти годам заключения в ИТЛ.

Заслушав доклад тов. СИРОТЕНКО и заключение пом. военного прокурора КВО капитана юстиции ИОНИШИНА об удовлетворении протеста, —

Установили:

РАНИЦКАЯ осуждена за то, что в 1933 году, познакомившись с секретарем польского консульства МИЛАШЕВСКИМ, поддерживала с ним тесную связь и познакомила с ним гражданина СССР СКАМАНДР-МАЗЮКЕВИЧА, которого МИЛАШЕВСКИЙ привлек к шпионской и диверсионной деятельности.

В протесте прокурор просит решение Особого Совещания при НКВД СССР по делу РАНИЦКОЙ отменить по следующим мотивам.

На допросе 29 октября 1937 года СКАМАНДР-МАЗЮКЕВИЧ показал, что в качестве агента польской разведки он был завербован РАНИЦКОЙ и МИЛАШЕВСКИМ, а на очной ставке 2 ноября 1937 года он заявил, что о его вербовке РАНИЦКАЯ ничего не знала. Каких-либо других доказательств виновности РАНИЦКОЙ в шпионской деятельности в деле нет.

При дополнительной проверке жалобы РАНИЦКОЙ, ее деятельность как агента иностранного государства не установлена.

Соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, и считая, что в действиях РАНИЦКОЙ отсутствует состав преступления, и, руководствуясь ст. 346 п.1, 347 УПК УССР, —

Определил:

Решение Особого Совещания при Народном Комиссаре внутренних дел СССР от 10 апреля 1938 года по делу РАНИЦКОЙ Ольги Михайловны отменить и дело в отношении ее производством прекратить за отсутствием состава преступления.

На серию публикаций в «Новой газете» откликнулись люди, знавшие автора Книжечки, Ольгу Михайловну Раницкую, в разные периоды жизни. Они поделились воспоминаниями.

Птицы, рыбы и люди

Воспоминания Эдуарда Недирбаевича Айтакова
об Ольге Михайловне Раницкой и жизни в Карлаге

Эдуард Недирбаевич Айтаков, хирург-флеболог, кандидат медицинских наук, родился в 1931 году.

Его отец Недирбай Айтаков, председатель ЦИК Туркменской ССР, расстрелян в годы Большого террора. Мама репрессирована как жена «изменника Родины» и осуждена на 8 лет исправительно-трудовых

лагерей. Наказание отбывала в Акмолинском отделении Карлага, затем работала в больнице Коктункульского лагерного отделения. С 1945 года Эдуард Айтаков и его брат-близнец Зелили жили вместе с матерью в Коктункульском лагерном отделении и были знакомы с О. М. Раницкой.

6 августа 2013 года Эдуард Недирбаевич встретился с сотрудниками Музея истории ГУЛАГа и прокомментировал некоторые рисунки из Книжечки.

Родителей арестовали в 1937 году, когда нам с братом было по шесть лет. Нас воспитывала бабушка, потом тетя. Во время войны мы жили в Ташкенте, сильно голодали—по фотографиям видно, какие мы были истощенные. После освобождения мама жила в Коктункуле и работала врачом в больнице при лагере*. Весной 1945 года ей разрешили забрать нас к себе. Мама прилетела за нами в мае, на второй день после того, как кончилась война.

Нам было по 14 лет. Мы с братом из такой интеллигентной в общем-то среды попали в среду совершенно иного порядка. Потому что там, конечно, правили бал урки. Они владели всем. Страшные люди. А политические в основном жили за зоной, расконвоированные. Бежать все равно было некуда. До ближайшей железной дороги восемнадцать километров, там поезда останавливались и просматривались сотрудниками НКВД с первого до последнего вагона. Куда бежать?

В Коктункуле за зоной была большая больница, где работала наша мама, рядом—дом, где мы жили. Чуть дальше—плотина, где плескались дикие утки и где мы с братом рыбачили. Рядом с плотиной стояла баня. Я помню, как однажды зимой в эту баню привели женщин. Интеллигентных женщин. Нам говорили—ленинградки, но я точно не знаю. Сожгли все их вещи, а женщин голыми гнали в бараки. Выдали им простыни, кому хватило, а в основном шли голые под улюлюканье толпы, этих урок.

* Освобожденные из лагерей «враги народа» не имели права выезда в родные места и оставались на поселении.

Примерно в восьмистах метрах от лагеря на небольшом холмике располагалась метеостанция—за проволочной оградой стоял флюгер, приборы для измерения влажности и температуры.

Впервые я оказался там, кажется, в июне 1945 года. Мы с братом подобрали маленькую цаплю с подбитым крылом, белую с красным клювом. Она жила у нас, мы ее звали Цапеля. И однажды эта Цапеля убежала за ограду метеостанции. И я ходил, ходил вокруг, не решался попросить разрешения войти на территорию станции—я не знал тогда имени-отчества...

Так мы познакомились с Ольгой Михайловной и после этого почти год встречались каждую неделю. Нас с братом влекло на метеостанцию—нам все было интересно. Мы спрашивали Ольгу Михайловну: «Какая

будет погода?» А она нам отвечала: «Через два дня может быть снег» или «Через день может быть дождь».

Ольга Михайловна

Ольга Михайловна была худенькая женщина невысокого роста, в очках. Шустрая, быстрая. Она очень ловко поднималась по лесенкам к приборам и одновременно бегло так говорила с нами. У нее был грамотный, хороший русский язык. Я помню, жила она очень изолированно... Она постоянно находилась на метеостанции, потому что замеры нужно было делать дважды в день: кажется, в двенадцать часов ночи и в шесть часов утра.

(с. 6) Прокайтис* был литовец, один из тех, кто сидел в лагере, а потом освободился и жил на поселении. Он ездил по всему лагерю, устраивал метеостанции на участках. Ездил он на студебеккере—это такая огромная американская машина. Прокайтис как-то добился, чтобы ему дали разрешение купить ружье. И вот он ездил на студебеккере и стрелял в степи сайгаков, которых раздавал сотрудникам станций, в больницы.

У Прокайтиса были очень примечательные очки—необычная желтая оправа, совершенно не подходящая к его лицу. Как правило, он носил костюм защитного цвета—видимо, чтобы к сайгакам было проще подбираться.

* В. В. Прокайтис (по другим источникам Пракайтис)— заведующий метеосетью сельскохозяйственного отдела Управления Карлага, один из персонажей Книжечки О. М. Раницкой.

В то время на метеостанции с Ольгой Михайловной жили еще одна или две женщины. Помню, одна из них была высокая худая дама. Прокайтис несколько оживлял эту компанию: когда он приезжал, со станции иногда доносились песни. Ну, по крайней мере, выпивать там нельзя было, потому что в одну минуту Аломскому могли доложить, а это человек безжалостный был.

Оперуполномоченный

Был такой подлец Аломский, оперуполномоченный, он из пальца высасывал дела. У мамы была секретарь Людочка Ушакова: все время нервно курила папиросы и ждала встречи со своей мамой—ни о чем больше она не мечтала. А жила она при морге, и там все время были трупы, все время стоял запах. И однажды—нет ее, в комнате все разгромлено. В чем дело? Оказалось, она «участвовала в заговоре против советской власти», и Аломский дал ей дополнительные восемь лет. Ну, это подлец. Я никогда его не забуду.

Мы там всего боялись. Там сажали налево и направо тех, кто освободился и оставался жить на поселении. Поживут на воле полгода-год, и снова их сажали.

Наша мама всегда этого боялась. Когда мы с братом еще жили в Ташкенте, мама вырастила для нас поросенка—она знала, что мы голодаем. Поросенка мама зарезала, но шкуру не сдала (а надо было сдавать шкуру!). И Аломский маме пригрозил, что посадит на год или два, и наложил огромный штраф. При маминой зарплате в триста рублей они с нее взяли тысячу рублей штрафа.

Однажды мама на лошади поехала на дальний участок к парикмахеру, Коле Горскому, а когда отправилась

в обратный путь, половодье началось. Мама плавать не умела, а Коля умел. Он разделся до трусов и, несмотря на то что снег шел, вошел в ледяную воду, лошадь вывел на сушу, спас маму и себя. А если бы лошадь утонула, маме добавили бы пять или восемь лет. Коля был парикмахер в санчасти, уголовник, но хороший человек. Я однажды его спросил (он стриг нас с братом): «Коля, за что ты сидишь?» А он: «Да я бостончика отцепил вагончик». Бостон—это такая дорогая ткань в те годы была: пальто из нее шили, костюмы.

(с. 3) Волков было много, иногда они прямо ко дворам подходили. Однажды мы с братом требуху привезли с бойни и спрятали в сарае. Волки учуяли, стали вокруг сарая ходить и сожрали нашего кота, прекрасного, черненького. Он там ночью мышей ловил.

(с. 39) В маминой больнице лежал немец Отто, высокий, со вставными челюстями, петербургский немец. Он нас с братом научил рыбачить. Рыбы было много, иногда в день мы ловили килограммов двести-триста в старицах. Река весной бурная, активная. Но уже в июле она пересыхает, и остаются небольшие озера, а в них кишмя кишит рыба. Рыбы много, а ловить некому. Никого вокруг нет, казахов выселили. Повсюду одни лагеря, где все под конвоем. Часть улова мы отвозили в больницу, в столовую, а часть оставляли себе — сушили на крыше. Потом сушеную рыбу добавляли в корм уткам, поросенку, которых мы с братом растили.

(с. 63) Мы с братом ловили тушканчиков, сусликов, хомяков. Никогда не забуду: попадутся в капкан, и так «пшшшшш», бросаются — испугать нас хотят. Ловили ястребов — они у нас

цыплят воровали. А мы зверски поступали: отрезали ястребу голову, клали на ограду, чтобы другие хищники обратили внимание, но это на них не действовало. Однажды огромный беркут схватил нашего петуха, которого мы вырастили (петух килограмма на три был, такой большой, сильный), и утащил. После этого мы капкан поставили. Возвращаемся — капкана нет. Нам заключенные говорят: «Попался беркут и утащил ваш капкан!» А мы с братом хорошо его подготавливали — он был с цепью, как положено. Потом нам говорили, что этот беркут над зоной летал, а капкан у него на ногах висел.

Однажды я был свидетелем удивительной сцены: летит орел и вдруг камнем падает сверху в траву рядом с нами. Я подумал, что он на нас с братом напасть пытается, а в траве заяц — упал на спину и ногами от орла

отбивается, только перья летят. Так орел его и не взял—заяц не сдается легко.

(с. 62) Вот такая у меня в точности была Цапеля, про которую я говорил и которая убежала от нас. А мы для нее с братом даже в холодные дни, даже зимой, ходили рыбку ловить туда, где водопад падал. Рыбки там было много, в водопаде.

Однажды мы заметили что-то над речкой в кустах караганника (это куст такой жесткий, им хорошо топить печи)—это был мертвый беркут, а в когтях у него утка. Видимо, он ее схватил, а она нырнула и утащила его под воду, в караганник. Беркут запутался в нем, и оба утонули—и охотник, и жертва. Вот такие были сцены.

Бураны были страшные. Мамина помощница Эльза, немка, однажды вышла, и ее не стало. Нам объявили, что

она сбежала. Сразу сирены завывали, всех собак на поиски бросили, но буран—не уйдешь далеко. А когда буран кончился, буквально за нашим сараем нашли ее труп—она метров 15–30 не дошла до лаборатории. Страшный буран—снегопад и поземка. Ветер поднимает снег с земли, и получается—снизу снег и сверху снег.

Мы с братом прожили в Карлаге три года. Там мы учились. Директор нашей школы сама была в прошлом заключенной, и многие преподаватели тоже были из заключенных. Нас окружало много интересных людей, которых я помню до сих пор. Был такой Нестеров, академик-сельскохозяйственник, он нас научил сажать картошку. Благодаря его советам мы с братом вырастили на нашем огороде великолепный урожай.

Занимался с нами математикой инженер по имени Феликс. Он жил в землянке, которую сам себе вырыл, и постоянно вносил какие-то рационализаторские предложения: как поднимать воду из колодцев, как организовать подвоз воды...

Хорошо помню и Ольгу Александровну Журид, сохранившую Книжечку Ольги Михайловны,—она работала в больнице вместе с мамой и давала нам с братом уроки математики.

Много было хороших людей. Но и стукачей мы видели много. Даже мамин сотрудник, чуть ли не правая рука ее, был одним из них. Мама предупредила, чтобы мы при нем ничего не говорили, что это известный стукач.

Помните из классики выражение: «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе»? Там у нас такие были жестокие нравы, что даже сам с собой ты не мог поделиться. Все ходило по ниточке.

«Давайте знакомиться, и будем дружить!»

Воспоминания сестер Ткаченко об Ольге Михайловне Раницкой

Киевлянки Татьяна Владимировна и Нина Владимировна Ткаченко стали одними из тех, кто откликнулся на серию публикаций в «Новой газете» и поделился воспоминаниями об О. М. Раницкой.

В середине 1960-х годов, когда сестры Ткаченко были еще детьми, они жили по соседству и были очень дружны с автором Книжечки.

Татьяна Владимировна Ткаченко

Да, Бог есть, и ничто не исчезает бесследно, а главное — не уходят в никуда доброта, мужество, ум.

У меня ее почерк... Багира — так я называла Ольгу Михайловну Раницкую.

О. М. — значимый человек в моей жизни, если этим словом можно передать все, что она сделала для меня и нашей семьи.

Шел 1967 год, когда Ольга Михайловна поселилась в нашей квартире на улице Карла Маркса (интересно, что до революции эта улица называлась Ольгинской).

Большая семья, сложные родители, коммунальная квартира, в которой кипят почти шекспировские страсти. Да, говоря словами М. А. Булгакова, «квартира пошаливала...». В ней никто не создал дружной семьи, в ней всегда происходили большие и мелкие войны, в ней любили, растили детей, в ней было — всё. В этой квартире жили Время, Люди, История, Легенды.

1967 год, я в первом классе... Большая комната, скандал, родители кричат, ругаются... И вдруг меня кто-то берет за руку и уводит в другой мир. Это была рука Ольги Михайловны, я помню эту ласковую руку, в которой было столько покоя и веры в то, что все будет хорошо. Не помню, что

она мне сказала, но с этого момента я обрела мир порядка, гармонии.

Я начала делать с ней уроки, училась писать перьевой ручкой. У нее был очень красивый почерк, я всегда мечтала писать так, как она. Она часто говорила, что, если ты хочешь, можно все исправить. Однажды я принесла из школы тетрадь с плохими оценками и очень из-за них расстроилась. А Багира сказала: «Давай мы с тобой сядем и все это аккуратно переписем». Мы так и сделали. Я сдала переделанную работу, и мне за каждое упражнение поставили пятерку с восклицательным знаком. Эта тетрадка — знаковая для меня вещь, она хранится у меня до сих пор.

На ее столе лежали мои тетради, она собирала мой портфель, читала нам «Маугли» Киплинга. Это была ее любимейшая книга, и все у нас было связано с этой историей. Ее рассказы о дружбе с волчицей в казахстанских степях перекликались с главами из «Маугли», которые мы читали и перечитывали снова и снова.

Конечно, Багира — кем еще она могла быть в этих джунглях? Багира со шрамами на сердце, оставшимися от звенца, в котором она провела долгие годы. В этом сердце нашлось столько любви для нас, «человеческих детенышей».

Поселившись в нашей квартире, Багира пыталась вернуть ей утраченный облик: приходил полотер, и полы натерлись мастикой, появился телефон (странная история его установки — почему-то он был проведен через гостиницу «Днипро»: к ней было какое-то особое отношение).

Багира редко готовила — ходила в кулинарию на Крещатике, но вот странное блюдо «шарлотка» из батона, яиц и яблок она делала сама. Лакомство нашего детства гоголь-моголь она готовила как изысканный десерт — с какао. Для

того чтобы сделать уборку радостным событием, она сшила нам с сестрой Ниной переднички. Сейчас эти детали могут показаться неважными, но они остались в памяти как что-то особенное, другое, из какой-то другой жизни.

Мы ходили на прогулки, собирали гербарий на Аскольдовой могиле. Помню, Багира говорила, что листья нужно прогладить утюжком, тогда они хорошо сохранятся...

Киевский театр оперы и балета, балет «Чиполлино» — мое первое посещение театра. Ложи, балконы — сказочный мир, и мы входим в этот мир с Багирой. В этот театр мы ходили много раз — вероятно, когда Багира получала пенсию. И каждый раз это был праздник, наряд, буфет. «Спящая красавица», «Дон Кихот» — балет, балет, балет...

Спасибо тебе, родная, и прости неразумного Маугли. Ты научила меня побеждать, любить и приходить на помощь. Я помню твой красивый стол у окна, стекло на столе, перьевую ручку, наш английский словарь с вырезанными картинками... Помню твою коричневую, пахнущую снегом шубку и ботинки — какая ты красивая, Багира!

Я вспоминала тебя, и однажды рука сама набрала в строке поиска твое имя, фамилию, отчество — а вдруг? И вдруг — статья в газете, Книжечка и история о тебе, правда, которая уже не тайна... И все же больно, ой как больно, как мы расточительны с памятью, с любовью, которую нам дарят!

Болезнь и смерть бабушки стали огромным горем для нашей мамы. Именно эта потеря стала точкой отсчета в отношениях мамы с Багирой. Дружба Багиры с нашим участковым врачом Этиной послужила поводом для разрыва, запрета нам с ней общаться.

Поверить в то, что тогда говорила мама об Ольге Михайловне, было трудно даже детям. Мне нелегко об этом писать

в подробностях, ведь моей мамы уже нет на свете, но я пишу эти воспоминания еще и потому, что необходимо понять, что с нами всеми делали. Как убивали в нас свободных людей, как человек близкий, родной может быть предан, как можно отказаться от родного и сделать его врагом народа, убийцей, тайным агентом сионистов — как можно поверить в полный бред. Сейчас я взрослый человек, но с трудом представляю, что тогда вновь переживала Ольга Михайловна — этот новый круг идеологического идиотизма, невозможность понимания, сочувствия, молчание и шараханье от нее детей, которых она любила и уважала. Я помню, как она спросила меня, почему я не здороваюсь с ней, а я молчала: не знала, что ответить...

Ольга Михайловна не смогла больше жить в нашей квартире и переехала в дом по улице Владимирской. Юра Левин, сын нашего участкового врача Этиной, поддерживал с ней отношения, думаю, до самого ее ухода. Как-то после своего визита к ней он сказал мне: «Она больше всего хочет увидеть тебя. Зайди к ней на Владимирскую. Ольга Михайловна не может ходить. Она тебя любит и не держит обиду». Молодежная безалаберность, стыд и бог знает что еще стало тому причиной, но эту просьбу я тогда не выполнила. Теперь каждый раз, когда прохожу мимо этого дома, у меня щемит сердце.

Нина Владимировна Ткаченко

Письмо обозревателю
«Новой газеты» Зое
Ерошок в продолжение
статьи «Книжечка», № 111
от 7 октября 2009 года,
«Правда ГУЛАГа», 16.06.2010.

Уважаемая Зоя Валентиновна!

Когда я читала ваши статьи, ловила себя на мысли, что этого не может быть, — настолько невероятным казалось совпадение. Прошло столько лет, и вот в 2010 году всплывает имя этой удивительной женщины, художницы и поэтессы.

В 1967 году я была маленькой школьницей, когда в нашу коммунальную квартиру по адресу: улица Карла Маркса, 17/1 (сейчас это ул. Архитектора Городецкого), в Киеве переехала Ольга Михайловна Раницкая.

С первого разговора, взгляда она внесла в наш дом, в нашу семью качественно новые взаимоотношения. Она пришла знакомиться с нами, маленькими детьми, с достоинством обращаясь к нам, как к взрослым: «Ну, давайте знакомиться, и будем дружить!»

Даже сейчас, когда прошло более сорока лет, я отчетливо помню ее манеру говорить, очень приятный голос,

редкую интеллигентность. Редкая — да, потому что она была другая. В то время формировался или уже был сформирован «советский народ», не все качества этого народа были отрицательны, но многое было искусственное, вытесанное, выровненное, закаленное, без сантиментов, иногда жесткое. Ольга Михайловна была необыкновенной, удивительной, ее речь была очень правильной, и в каждом слове или рассказе чувствовалось еще дореволюционное гимназическое образование и воспитание. С тех пор я четко отличаю гимназию от школы, институт благородных девиц от рабфака.

Улицы Киева она называла по-старому — Фундуклевская, Бибиковский бульвар, Меринговская, Ольгинская... Дореволюционные названия. И ее воспоминания о детстве, конечно, тоже были о другом, дореволюционном Киеве. Ольга Михайловна рассказывала нам о гимназистках, реверансах, о предметах, которые уже не изучались в советских школах. В ее рассказах открывался другой мир, другое детство, и нам так хотелось научиться всему, о чем рассказывала Ольга Михайловна!

Ольга Михайловна впервые повела нас в оперный театр, приглашала смотреть по телевизору балет на льду, читала книжки и рассказывала о далеком Казахстане, о суровых зимах и занесенном снегом доме, где она почему-то жила одна с собаками и прирученными волками. Рассказы, в которых не было слышно ни обиды, ни злобы. Конечно, тогда это воспринималось как интересные истории о далекой стране. В ее рассказах обычно присутствовали природа, животные. Правда, часто в этих историях проскальзывал оттенок загадочности, какой-то скрытой тайны. Из разговоров мамы и бабушки мы понимали, что в ее жизни присутствовал какой-то секрет, о котором не всем можно говорить. Ольга

Михайловна дружила с моим дедушкой, Саввой Евгеньевичем, очень интеллигентным и образованным человеком. Они хорошо понимали друг друга, хотя жизнь прожили разную. Часто по вечерам они долго беседовали.

В ее комнате стоял красивый стол с письменными принадлежностями и специальным почтовым ножом для разрезания конвертов. Мне кажется, она часто писала письма, которые складывала в специальную шкатулку. Я помню ее красивый аккуратный почерк, ее руки с маникюром, совершенно седые, коротко остриженные волосы, бархатное (тогда так казалось) лицо. В детстве всегда запоминаются детали, запахи, цвета. Все ее туфельки и даже комнатные тапочки с помпоном были на каблучках. Она приучала нас к аккуратности, вежливости, вниманию к окружающему миру.

Ольга Михайловна сыграла значительную роль в формировании моего мировоззрения, знаний, вкусов и человеческих качеств. Она была идеалом, хотелось повторять за ней все — ее манеры, ее тон, ее слова, ее почерк!

Ольга Михайловна рассказывала и о варварстве большевиков в 1934 году, когда сравнивали с землей старинное аристократическое кладбище на Аскольдовой могиле в Киеве. Тогда разрушили могилу ее отца, и жители города тайком перезахоранивали своих родных. Там была и могила летчика Нестерова, мецената Василия Тарновского, там сравнивали с землей могилы киевлян, создававших красоту и аристократичность Киева XIX–XX веков, там были могилы архитекторов Шлейфера, Шилле, профессора медицины Меринга, в усадьбе которого и были проложены улицы Ольгинская, Меринговская, Лютеранская.

Осталось загадкой, почему Ольга Михайловна в 1967 году решила поменять свою отдельную квартиру на Нивках

(улица Щербакова) на комнату в полной шума и гама коммунальной квартире с беспокойными детьми, катающимися по коридорам на велосипедах. Мы всегда думали, что, возможно, она жила в этом доме на улице Ольгинской еще до войны или до революции.

Только сейчас, прочитав ваши статьи, я многое поняла о жизни Ольги Михайловны. Ее судьба, наверное, подобна миллионам судеб. В вашей статье написано, что через Карлаг прошел миллион или даже два миллиона осужденных. Эти ужасные страницы истории, эти человеческие судьбы, скрытые завесой секретности... Когда я читала архивные справки Ольги Михайловны, мороз шел по коже. Не подумайте, что я не знала, что творилось в эти годы в СССР, ужасно то, что этого конкретного человека я знала лично, и таких «личных дел» были миллионы. И даже после всего, что она пережила, она не могла открыто рассказать о несправедливости, о пережитой трагедии, о Карлаге, о репрессиях против умных, интеллигентных, талантливых людей.

Наверное, только в стихах эзоповым языком была высказана боль, страдания, пережитое. Я думаю, просто необходимо в память об Ольге Михайловне Раницкой издать Книжечку, опубликовать это произведение материнской любви, эти грустные до слез рисунки, эту поэзию, созданную в нечеловеческих условиях, эти 114 страниц таланта и трагедии.

Были ли раньше опубликованы стихи Ольги Михайловны? Я не знаю, но думаю, что они действительно были переданы в издательство с помощью друга Ольги Михайловны — Юрия Левина (его мама Анна Ефимовна Этина, участковый врач нашего района, тоже с большим уважением относилась к Ольге Михайловне). Уже в 80-е годы, когда

Ольга Михайловна переехала в другую квартиру (улица Владимирская, 13, бывшая Короленко), я навещала ее, и она рассказывала, что старается напечатать стихи, написанные ранее... Тогда она уже не вставала с постели, кровать стояла у окна, ближе к свету, чтобы можно было писать или рисовать...

О силе личного и частного

Воспоминания Валентины Дмитриевны Ивановой
об Ольге Михайловне Раницкой

Валентина Дмитриевна
Иванова, жительница
Харькова, дружила и пере-
писывалась с О. М. Раницкой
в 1980-х годах.

Я хочу рассказать о человеке, чья судьба меня потрясла. Ни до, ни после я не встречала таких мужественных и отважных женщин, какой была Ольга Михайловна Раницкая-Данилюк. Женщина эпохи революции, войн, репрессий.

Познакомилась я с Ольгой Михайловной в начале 1980-х годов. Она киевлянка и жила в одной коммунальной квартире с семьей моего дяди, Георгия Александровича Мартьянова, в доме № 39 по Владимирской улице, напротив Золотоворотского сквера. В общий коридор выходили двери пяти комнат, две из них занимала семья дяди, а в трех остальных жили вдовы-приятельницы.

В один из моих визитов в Киев мне рассказали, что две женщины из трех уже умерли, а третья — Ольга Михайловна [О. М.] прикована к постели. Ее сбила машина на Прорезной улице, практически у самого дома. Когда я об этом услышала, решила зайти к ней и спросить, смогу ли я чем-нибудь помочь. Ну, хотя бы приготовить чай... От чая О. М. отказалась, а в благодарность я услышала рассказ о ее неординарной, потрясшей меня судьбе.

Как только я вошла в комнату, сразу обратила внимание на фотографию балерины, висевшую у двери. Балерина была неотразимо красивой. На мой вопрос «Кто это?» О. М. ответила: «Это я в роли Жизели в одноименном балете Адана». И затем она рассказала о прожитой жизни.

Когда началась Гражданская война, О. М. оставила сцену и стала бойцом отряда Котовского. После Гражданской войны она возвратилась в Киев, но не в театр. Посчитала, что есть более важные дела: окончила медицинские курсы и начала работать в медицинском учреждении. Жила она с родителями. Возвращаясь с работы, часто видела сидящую на ступеньках девочку-соседку, которая рассказывала ей, что

родители ее бьют, выгоняют из дому. О.М. решила ее удочерить и после хождений по инстанциям добилась своего.

Вскоре Ольга Михайловна вышла замуж и родила сына, а в 1937 году по чьему-то доносу ее арестовали и сослали в казахские степи. Дети остались с родителями О.М.

В Казахстане она попала в партию метеорологов, которая состояла из двух человек — репрессированного московского профессора и его помощника. О.М. стала в их компании третьей. Их задачей было объезжать метеорологические приборы, установленные в степи на расстоянии нескольких километров друг от друга, и снимать ежедневные показания. Раз в неделю им привозили продовольствие и забирали показания приборов. Профессор-москвич так интересно рассказывал о метеорологии, в которую сам был влюблен, что очень скоро и О.М. начала считать, что это самая интересная наука в мире.

В 1941 году началась война, профессора и его помощника мобилизовали и отправили на фронт. И О.М. осталась одна в саманной избушке с двумя собаками и лошадью, на которой она объезжала приборы. Раз в неделю к ней по-прежнему приезжали за показаниями.

О.М. ничего не знала о судьбе родных. Были, конечно, и у нее минуты отчаяния, но она находила в себе силы и сочиняла стихи о том, что видела вокруг: о волках, пытавшихся забраться в ее избушку, о случайно замеченной и пересаженной березке, о казахских камышах (чаях). Ольга Михайловна сумела сохранить в себе и чувство юмора: оно так явно проглядывает в некоторых ее стихотворениях. Однажды О.М. нашла в камышах волчонок и приручила его. Волчонок вырос в огромную волчицу, которая на несколько лет стала ее другом. О.М. назвала ее Донька, и так же называется стихотворение. Лично я, зная, в каких условиях это стихотворение написано, не могу читать его без слез.

После войны О.М. освободили, но жить в родном Киеве не разрешили, зато у нее появилась возможность переписки с родными. Она узнала, что ее сын умер в период войны, а приемная дочь (по-моему, по имени Таня) жива и учится. О.М. поселилась в каком-то городе — кажется, на Урале — и стала работать в госпитале.

В это время О.М. удочерила еще одну девочку (Галю), а потом еще и третью, но я не помню, при каких обстоятельствах. Пока она была в ссылке, удочеренная Таня выросла, окончила медицинский вуз и уехала в Одессу, работать в институте офтальмологии. В 80-е годы она еще там работала, судя по письмам О.М.

Одна из удочеренных девочек окончила в Киеве какое-то учебное заведение и уехала к себе на родину, на Урал. А третья осталась в Киеве, вышла замуж за профессора Киевского политехнического института. Какое-то время О.М. жила в ее семье, но не нашла общего языка с профессором, поэтому и стала инициатором обмена жилья таким образом, чтобы объединиться на одной территории с двумя своими приятельницами, к тому моменту овдовевшими. Так они и оказались в одной коммунальной квартире. Когда О.М. сбил автомобиль, обеих приятельниц, самых близких, уже не было в живых. Жизнь ее стала адски трудной, но она не сдавалась и по-прежнему писала стихи.

Стихотворения О.М. посылала мне в письмах. В одном из них она замечает: «Все, о чем пишется, доподлинные события без гипербол». Но лично я в этом и не сомневалась. Никогда прежде я не встречала такой умной, образованной и такой мужественной женщины, столько выстрадавшей и не озлобившейся на весь белый свет.

Ольги Михайловны уже нет, но остались стихи, в которых отражается ее горькая судьба и жестокое время, безжалостно коржившее людские жизни.

Стихи Ольги Михайловны Раницкой сохранились благодаря ее переписке с Валентиной Дмитриевной Ивановой в 1980-е годы. К сожалению, большинство этих стихотворений не датированы, и сегодня сложно определить время их написания. Из них мы узнаем о жизни автора в казахской степи во время заключения в Карлаге.

«Посылаю Вам, В. Д., несколько образцов и грустных, и озорных. Жив курилка! Всё, о чем пишется, доподлинные события, без гипербол и арабесок».

Из письма О. М. Раницкой к В. Д. Ивановой

Удача

Мне на чужой сторонке
Путь верный не сыскать.
Ведь я ещё девчонка —
Кого на помощь звать?

Удачу призываю,
Кляня свою судьбу.
Куда идти, не знаю,
А всё-таки иду!

Иду по бездорожью
Неведомо куда,
А на душе тревожно —
Беда моя, беда!

Иду, терплю, не плачу,
Дорогу не найти —
Вот если бы удачу
Мне встретить по пути!

С удачей не заплачу,
Не стану горевать.
Шагай со мной, удача,
Не вздумай отставать!

А если и отстанешь —
Тебя я подожду.
Но если ты обманешь —
Куда же я приду?

IX Пана

Иде на гусей стороне
Путь, терпело, не благу,
Путь верный не слышать.
Ворогу не найти —
Веди я еще дорогу,
Вот если бы удачу
Кого на котоме звать?
Иде встретит по пути!

Сразу кричали,
Судачей не запару,
Кляня свое судбу,
не стану гребать.
Куда идти не знаю,
Трагично жной, удача,
А всё-таки иду!
не вздумай отставать!

Иду по бездорожью
А, если и отстанет,
неведомо куда,
небз я подожду.
А на думе тревожно,
но, если бы отстанет,
Бедно моя, бедо!
Куда-то я кричу?

1940.

Концерт VII

Ну, вот — еще один концерт:
За сойку закапался.
Уже ушел во восток,
А Запад всё ебывает.

Земля, от этой причетал,
Прокладу отведает.
Плохое, лодовки приподнять,
Под вечер отливает.

Утих на реке пересер
Утихкой перебралки —
не издавал свой давний спор
Продолжал свой давний спор

и начался концерт кошкой:
Живая в сухой калымет наряд,
сметай эхорек на лодочку,
Юрчи, зрорку обогнать.

Как бы утихнул, вдова,
Утило, сиротливо
Всё в близит, ухаси ева
Угрюмо и евариво.

и слышится со всех сторон
То мур ехоты лодочка,
То чей-то писк, то чей-то стук,
То звуки котасовки

и кады их в стелки пойдя
Трещать, как потащивши
А кого идти. За всё правдо
Дураки или утихили

Уже даже на золотом коке
Порокаты в восток,
А Запад всё еще восток.
За сойку далёкой.

Тени

I

Я часто в сумерках туманных
Около хижины сижу
И в степь, на дальние курганы,
О прошлом думая, гляжу.
Ведь не всегда здесь было тихо,
И пусто было не всегда.
Гуляла здесь когда-то лихо
Неодолимая орда.

Когда-то мирные аулы
Цвели по берегам реки,
Стада баранов на нагуле,
Коней гривастых косяки...

Но раздавался в чистом поле
То звон щитов, то стук мечей,
И угонял людей в неволю
Набег внезапный басмачей.

Шумя, ордынцы под шатрами
Делили схваченных людей,
Баранов, вместе с чабанами
Табун отловленных коней.

Арбы добычей нагружали,
Седлали потных лошадей
И батогамы подгоняли
К хвостам привязанных детей.

А матери им вслед бежали,
Их заслоняя от бича,
Ударам спины подставляли,
От боли режущей крича...

Сжигая по пути жилища,
Свернув шатры, ушла орда,
Но горький запах пепелища
В степи остался навсегда

II

Мне мнится в мареве обманном,
Как эхо давних, давних дней,
Гортанный крик, и свист аркана,
И тяжкий топот лошадей.

Вот, вырвавшись из-за кургана
В ширь неоглядную степей,
Хрипя, несётся ураганом
Табун испуганных коней.

Мне слышится их хрип усталый
И гул некованых копыт.
Летя навстречу, ветер шальной
Их гривы дерзко теревит.

Я клочья белой пены вижу
И дикий страх в глазах коней...
А солнце клонится всё ниже,
В степи становится темней.

И прячутся былого тени.
А я, очнувшись, как от сна,
Руками обхватив колени,
В пустой степи сижу одна.

Донька

Собаки волчонка настигли в чаях,
Взъерошена шубка и ужас в глазах,
Звереныш меня о защите молил,
К ногам моим жался и горько скулил.

Остался зверёк в моей хижине жить,
Он руки мои научился любить,
Делилась я с ним своей скудной едой,
И спали мы вместе под старой дохой.

А годы мелькали, как ветер летя,
Волчицей матерою стало дитя,
Со мной неразлучна всегда и везде —
Мой сторож, мой друг в невесёлой судьбе.

Мы вместе ходили к приборам в ночи
И рядом сидели потом у печи,
Паёк из каптёрки тащили в санях
И уток ловили весной в камышах.

И сидя у двери на камнях вдвоём,
Мы молча грустили о чём-то своём,
И если порой набегала слеза,
Глядела я в волчьи родные глаза.

Нашёлся мерзавец и в этом краю,
И пуля свалила подругу мою,
Сдыхая, она доползла до дверей,
В тоске безысходной я выла над ней.

И горестно волчий оплакавши прах,
Тайком я её схоронила в чаях.
С тех пор среди этих пустынных степей
Боялась я только двуногих зверей.

Концерт

Ну вот — ещё один денёк
За сопку закатился.
Уже ушел во тьму восток,
А запад всё светился.

Земля, от зноя приустан,
Прохладу ожидает.
Полынь, головки приподняв,
Под вечер оживает.

Утих на речке перебор
Утиной перебранки —
Ненадолго — свой давний спор
Продолжат спозаранку.

И начался концерт ночной:
В сухой камыш ныряя,
Спешат зверьки на водопой,
Друг дружку обгоняя.

Как безутешная вдова,
Уныло, сиротливо
Выпь плачет, ухаёт сова
Угрюмо и сварливо.

И слышится со всех сторон
То шум охоты ловкой,
То чей-то писк, то чей-то стон,
То звуки потасовки.

Цикады, их в степи полно,
Трещат, как мотоциклы,
А ночь идёт. Ей всё равно,
Шумят или утихли.

Уж день на золотом коне
Торопится с востока,
А запад всё ещё во сне
За сопкою далёкой.

Кметы. 1

Этакое в сутерках туманных
Около хижины сижу
И в себе, на дальних нургах,
О престоло думая, гляжу.
Ведь не всегда здесь было тихо,
И шумно было не всегда.
Звучала здесь когда-то пыха
Недолетев орда.

Или лихая в парева
Облачно,
Как эхобавных, давших дней.
Германский крик неспеш
арката

Когда-то тирные аялы
Звезды по берегам реки,
Стада баранов на нагузе,
Колес урвастных колески —
Но раздавался в чистоты пыха
то звон гонимой, то стук метел
и узорный ледяной в неболло
набег вчерашний багрятей.

И таящий токат лотадей.
Вот, вырвавшись из за кургала
В пухе неоглядному степей,
Хрипя, несется урвастом
пыха пыхуальных колесей.

Пуха, ордыный под травами
Алкого склоченных ледей,
Таранов в песте с забавами
пыху о пыхуальных колесей.
Арбы добрых напружаны,
Сидящие пыхуальных лотадей
и багрятей под гонимой
кх востан прывазахных детей.
А тамара нун белед безжалн,
Их заветовны от бика,
Ударом снхны подета пыха,
Ох боль рожуныей крива...

Или слышится их хрип
устахней
И пуха некованных колес.
Лета наветрегу, востр
пыхуальн

Смелая по пути тиниче,
Свернув тамбу, ушла орда.
Но германский Звоних неперлница
В степях остался навегда.

Их урвы дерзко таредит.
Я клочок белой пехи витегу
и дикой страх в гонимой
копей...
А солнце клочитесь вех
пыхе,
В степях станах витегу
пыхуальн
И прыгучея былого пыха.
Да, ослучивше, как от сна.
рукамы обхватить колески
В пустою степи сижу одна.

VI
Бабуя лето.

Уже пыхуальн над степью пыхуальн,
Кустарник облепляя, как пыхуальн;
Бурлет конский пыхуальн, ослучив снхну;
Илине стала тень; короле дент.

(Ур)не осенняя стоит в степи окарта
Сейте кобыла пыхуальн солнце зря.
Настала лета бабего хора,
Урва в хожу кару дней 4 Октября.

Но эта кара дней несёт беду
Доверчивому и тихому народу
И болело наблюдатель тихую пыхуальн,
Невидато захват уютную криводе.

Хотя на день задебрал отлет бесхелных пыху,
Лерота бднних пыхуальн пыхуальн,
Как сказкою обманых пыхуальн,
Она их обрекала на невзгоды.

Уже утхалгнес их товарищ в даль,
А эти все еще в степи германский
и не томины их тайнах пыхуальн,
которая криватых к тогу пыхуальн.

Их не укроют нуров, как зверей,
Или-е то пыхуальн, коть от холода укрываюсь,
и корома нун в степи до ветхих дней...
на криватых вех наветреда, к пыхуальн!
эх, вадле лето, дабле лето!
Видея за тобой снхнат некасто, да тумане
и прохладу в нур, замелкав пыхуальн с ослучив
криватых, пыхуальн зазублене облакан.

Бабье лето

Уже плывёт над степью паутина,
Кустарник облепляя, как плетень;
Буреет конский щавель, сгорбив спину;
Длиннее стала тень; короче день.

Уж не осенняя стоит в степи жара;
Седой ковыль ласкает солнце зря.
Настала лета бабьего пора,
Урвав хоть пару дней у октября.

Но эта пара дней несёт беду
Доверчивому птичьему народу.
И больно наблюдать лихую чехарду,
Неведомо зачем угодную природе.

Хоть на день, задержав отлёт беспечных птиц,
Мороча бедных тёплой погодой,
Как сказкою обманных небылиц,
Она их обрекает на невзгоды.

Уже умчались их товарки вдаль,
А эти всё ещё в степи горланят,
И не томит их тайная печаль,
Которая крылатых к югу тянет.

Их не укроют норы, как зверей,
Где б можно хоть от холода укрыться,
И корма нет в степи до вешних дней...
На крылья вся надежда птицам!

Эх, бабье лето, бабье лето!
Вслед за тобой спешат ненастье да туманы
И пропадут в пути, замешкавшись с отлетом,
Крылатые, твоим загублены обманом.

Емшан (Полынь)

Емшан, емшан — король степей!
Как в памяти он крепок,
Как дух его призывно цепок,
Как дорог он душе моей!

Его с годами не изжить,
Чужбины этой запах властный, —
Горчайший, пряный и опасный,
Он не даёт себя забыть.

На выжженной земле убогой
У бедной хижины моей,
Затерянной среди степей,
Он рос у самого порога
Скрипучих дощатых дверей,
Где я в тиши года считала
И терпким запахом дышала
Его разросшихся ветвей.

В нем горечь уходящих лет
И редких светлых дней услада,
Печаль утрат и грустный
след тяжёлых бед...

Его и время не убьёт,
Не замутит очарованья —
И будит он воспоминанья
И в грустных снах к себе зовёт...
Былой печалью сердце гложет,
И всяк, кого в полон берёт,
Тот позабыть его не сможет...
Емшан — полынь в степи растёт!

Сердце

Зачем ты мучаешь меня,
Моё уросливое* сердце?
То замираешь, то, дразня,
Мне вдруг наигрываешь скерцо.

То, как несмазанный мотор,
Стучишь лениво и нечетко,
То понесешь во весь опор,
Отбив веселую чечетку.

Ведь ты так верно мне служило,
Капризами не донимая.
В года, когда мне тяжело было,
В дни, когда счастлива была я.

Зачем же не даёшь пощады
С судьбой в последнем поединке?
Не надо, милое, не надо,
Стучи спокойно под сурдинку.

Скакать тебе не подобает,
Ведь нам с тобой годов немало...
А сердце тихо отвечает:
Прости меня, но я устало.

* Уросливый — капризный, своенравный

Серенада

На крыше у трубы сидит всю ночь моя волчица,
Во тьме ночной природа спит,
Лишь ей одной не спится.

Что видит там?
О чём грустит,
Одна встречая зори?

Глядит на звёздный хоровод,
А если месяц всходит,
В тот час мой серый звездочет
Тоскливо песнь заводит.

Но только я ступлю за дверь,
Прервёт свой номер сольный,
Свой знает долг мой грозный зверь,
Мой сторож добровольный.

Иду к площадке с фонарём,
А рядом страж шагает.
Затих — меня проводит в дом
И песню продолжает.

Душевно так она поёт
Всю ночь без умолку.
А может быть, она зовёт
К себе седого волка?

А он, бродяга, не идёт,
Забыл он к ней дорожку,
Вот и тоскует, и поёт,
Любовь ведь не картошка?

XI
Новый год.

В свой срок придет и новый год,
но я не стану в нем новее,
не стану лучше и умнее.
Я избавлюсь от невзгод
я от него не отдам.
Подчас с иронией читаю
я поздравления друзей,
в нарядных праздничных открытках!
Быть крепкой, бодрой, даже прелестной
счастливой жизни долгих лет
Удачи, успехов и побед...
Я поздравлений - холодею,
от сослуживцев, от знакомых,
от близких мне, от родных,
и от чужих, неискренних.
Из всех табличных поздравлений
мне с юбилейного судья,
Этот поздравил бы терпеливо,
но ведь оно всегда со мной.
Стара я, друзья, одинока,
не выколотить мне ват напас...
Ох, как порой звучат мне стелю
добродетельные строки.
Повторюшки столько раз!

XVII Стихи посвящены.

Закат идет, густеет тьма,
стихов бледнеют строчки
слабей, как и я сама.
Тора поставит точку,
но жалко мне останавливать стихи,
они всю жизнь писались.
Удачи, горести, грехи
в тетрадах отражались.
не помню я, когда возник
Позыв к стихосложению.
Стихи писались, как дневные
Событий, настроений.
В них детских лет остался след,
и молодости сладость,
и горький вкус минувших бед,
и старость, что не в радость.
Кому, зачем они нужны?
кто в мой дневник заглянет?
Может, кто задумается в них,
стихов читать не станет.
В мои годочки в самый раз
с поэзией простилась,
не то, чтоб к трюбу я рвалась -
зачем мне терпеливость?
Судьбе чужаки надари,
не мучают совестию.
Я сборищу одних недомы
к поэзии на созвездие.
не нужно мне, прозаик сложность,
писать прозу охоту забвению...
Вот только - бы мне не забыть
свое тетрадь и самопелю!

Землячка

Я мчалась по степи галопом,
К приборам торопясь домой,
Но всё ж березок белых строй
Заметила в щелях меж сопок.
Вот чудо! В такой пустыне
Берёзки русские растут!
Ведь кроме ковыля с полынью,
Здесь даже травы не растут.
Берёзки хилые росли
В расщелине, где больше влаги.
Как только выжили, бедняги!
А сколько мук перенесли...

Одну землячку я решила
Вселить на взгорок под окном.
Поглубже ямку продолбила
В земле иссохшей колуном.
Кобылку Паву оседлала,
Добралась к сопкам вечерком
И долго землю разгребала,
Дрожа над каждым корешком.
Смочила в родничке юбчонку,
Чтоб ею корни обернуть,
И тронулась в обратный путь,
Везя землячку, как ребёнка.
Везла, везла переселенку,
Поклавши поперек седла
И ствол ее прижав коленкой,
Чтоб, часом, набок не сползла.

У дома в ямку посадила,
Водицей свежей полила,
Навозом конским угостила,
Вокруг оградку возвела.
Её всё лето поливала
Речной, студеною водой,
Её избушка заслоняла
От вихрей яростных зимой.
Метеостанция на горке
С берёзкой выглядит милей.
И даже старая избушка
Как будто смотрит веселей.

Живет березонька на горке,
И тонкий ствол потолще стал,
А шустрый птах на ранней зорьке
В ее ветвях защебетал.

И я с сердечным умилением
На белый ствол ее гляжу,
А в дни горчайшего томления
На камне рядышком сию.

Но только тот идущий мимо,
Кто прежде жил в лесном краю,
Такой же горечью мучимый,
Поймёт растроганность мою.

«Писать мне трудно, т.к. лёжа навзничь это очень сложно, а садиться, как прежде, не могу из-за рук. Ломаются мои утлые косточки, и никогда не знаешь, где будет следующий перелом. Стихи поэтому заброшены. Родятся, но, незаписанные, забываются. Недавно припомнила (смутно) легенду о полыни Тютчева, и заныло сердце... Иное содержание вложено в мои стихи о полыни, и настроение иное, но боже мой! Как ярка во мне оказалась память и любовь к этой дикой травке степей! Хочу послать её Вам — может быть, как последнее моё воспоминание о пережитом в далёкой, безлюдной степи... А ведь всё тянет и тянет обернуться на эту пустыню».

Из письма О. М. Раницкой к В. Д. Ивановой

Новый год

В свой срок пришёл и Новый год.
Но я не стану в нём новее,
Но стану лучше и умнее.
И избавленья от невзгод
Я от него не ожидаю.
Подчас с иронией читаю
Я поздравления друзей
В нарядных праздничных открытках:
Быть крепкой, бодрой, даже прыткой,
Счастливой жизни долгих лет,
Удач, успехов и... побед...

А поздравлений — полон чан,
От сослуживцев, от знакомых,
От милых мне однополчан
И от ненужных, неискомых,
Из всех шаблонных песнопений
Мне — с инвалидную судьбой —
Уж пожелали бы терпенья,
Но ведь оно всегда со мной.

Стара я, други, одинока —
Не выполнить мне ваш наказ...
Ох, как порой звучат жестоко
Доброжелательные строки,
Повторенные столько раз!

СТИХИ

Закат идёт. Густеет тьма,
Стихов бледнеют строчки,
Слабея, как и я сама.
Пора поставить точку.

Но жаль мне оставлять стихи —
Они всю жизнь писались.
Удачи, горести, грехи
В тетрадях отражались.

Не помню я, когда возник
Позыв к стихосложению.
Стихи писались как дневник
Событий, настроений.

В них детских лет остался след,
И молодости сладость,
И горький вкус минувших бед,
И старость, что не в радость.

Кому, зачем они нужны?
Кто в мой дневник заглянет?
Тот, кто забыл меня в живых,
Стихов читать не станет.

В мои годочки в самый раз
С поэзией проститься.
Не то чтоб к гробу я рвалась —
Зачем мне торопиться?

Судьбе уплачены долги,
Не мучают сомненья —
А сборы будут недолги
К поездке на сожженье.

Не нужно мне рюкзак сложить,
Писать прощальную записку..
Вот только бы мне не забыть
Свою тетрадь и самописку!

Вместо послесловия.
Памяти Зои Ерошок

Небольшой тираж нашей первой книги издательской программы, «книжечки», как ее все вслед за Зоей стали называть, быстро разошелся. Мы подготовили второе издание, но никогда не предполагали, что его послесловие будет таким горестным...

Зоя Ерошок
Фото Анны Артемьевой, «Новая газета»

21 ноября 2018 года «Новая газета» вышла со скорбными известиями — не стало Зои Ерошок. Огромные портреты Зои, открыто и щедро улыбающейся с первых страниц, резко и страшно вступали в диссонанс с горькими и пронзительными текстами ее коллег.

Один из них из этого номера процитируем здесь полностью:

Мы потерпели поражение — не удержали Зою Ерошок в этой жизни.

Теперь это наше горе, а не ее. И ваше. Потому что эта женщина с ее обостренным чувством спасателя была необыкновенно добра к тем, кто нуждался в помощи и участии.

Такое поразительное устройство было у Зои Валентиновны — звезды теплого света.

Она писала свои потрясающие тексты крупными детскими буквами, так, что на странице помещалось, хорошо если два предложения. Но хватило бы и одного — предложения жить внимательно, уважительно к слабому и быть деятельно сострадательным.

Она помогла многим, спасла многих, хотя для того, чтобы войти в пантеон достойного человека, — хватило бы и одного.

Зоя — одна из тех, кто основал «Новую газету», для того чтобы сделать ее жизненной необходимостью для той части наших людей, которые сохраняют идеалы простой, то есть правдивой жизни!

Она часть нас и вас.

И останется таковой до той поры, пока мы не изменили друг другу.

То есть навсегда.

Юрий Рост и «Новая газета»

Невозможно было поверить в случившееся. Ведь еще этим летом 2018 года Зоя была в гостях в Музее истории ГУЛАГа, и опять и опять возвращалась к судьбе Ольги Михайловны: как же так книга вышла, а мы так и не нашли ее фотографии? У Зои появились новые идеи, она делилась своими планами, собиралась в Киев, в очередной архив, чтобы там уж точно найти фотографию Раницкой. Ведь если Ольга Михайловна была такой красивой женщиной, то нужно же на нее посмотреть, фотография должна найтись, не может такого быть, что все утеряно безвозвратно. Зоя шутила, хохотала, обнимала нас всех и говорила, что она соскучилась за время отпуска. И это было совсем недавно, в июле, в августе?..

Зоя была дружна с Музеем истории ГУЛАГа еще с той поры, когда он располагался в старом здании на Петровке. Ряд своих публикаций в «Новой газете» о музее она так и назвала «Роман с ГУЛАГом». Она писала о том, что музей стал почти что ее вторым домом, вторым местом работы, о том, что его сотрудники могут показаться одержимыми, но нет — абсолютно нормальные, просто хотят перемен, например, того, чтобы Москва наконец избавилась от всего, что в ней есть сталинского, мрачного и тюремного, превратилась в помнящий, преодолевающий собственные травмы позитивно-умный город. Зоя рассказывала, что директор музея Роман Романов создает устройство хранения деятельной памяти таким образом, чтобы не исчезали непредусмотренные люди и неудобные лица. Она писала о передаче сборника «Есть всюду свет» в московские школы, о выставке «Комиссар исчезает» и о том, что нужно обязательно купить книгу Дэвида Кинга «Пропавшие комиссары», жизненно необходимо посмотреть выставку лагерных рисунков Евфросинии Керсновской «Сколько стоит человек», и еще о многом другом, чем музей тогда жил, о том, что устраивал, о чем мечтал...

И всегда такой ее очерк заканчивался словами: «Если моя попытка рассказать о Музее ГУЛАГа покажется вам неудачной, твердым решительным шагом направьтесь туда сами. Что, собственно, и есть цель этих заметок».

О Зое совершенно невозможно писать в прошедшем времени.

Ведь совсем недавно она держала эту нашу маленькую книжечку «Метео-чертик. Труды и дни», только что вышедшую из типографии, восхищалась, называла все случившееся чудом. У нее, как она говорила, были свои личные счета со Сталиным. Ей важен был каждый репрессированный, вырванный из небытия, из беспомыслия, из «бесследия». Зоя часто повторяла: «Один — это очень много». И то, что у этой маленькой книжечки, этого лагерного дневника, нашелся автор — Ольга Михайловна Раницкая. Это ли не чудо? Три года безуспешных поисков, запросов в различные архивы... Но нет не удалось стереть память, есть человек, есть судьба...

У Зои в музее были два любимых экспоната, она их называла «крохотная вечность»: фотография дочки, которую мама хранила под стелькой своей обуви, и обмылок, который муж жене успел тайком передать, когда они на мгновение пересеклись на этапе между своими лагерями. Не бутафория, не стилизация, не игра воображения. Кусок мыла (ГМИГ НВ-69) Адам Самойлович Гросблат передал своей жене Евгении Соломоновне на этапе Москва — Томск в ноябре 1937 года. А фотографию Ирины (своей дочери) Евгения Соломоновна и хранила под стелькой. Фотография замечательная, «выжила» и теперь хранится в фондах Музея истории ГУЛАГа под номером — ГМИГ НВ-135.

Третий, свой самый любимый экспонат — «книжечку», дневник Ольги Михайловны Раницкой, Зоя успела передать в музей. Теперь у «книжечки» есть номер — ГМИГ КП-2809.

И это тоже «крохотная вечность». Или «Вещдок» — вещественное доказательство прожитой жизни, непростой судьбы.

Зоя «писала свои потрясающие тексты крупными детскими буквами, так, что на странице помещалось, хорошо если два предложения».

Хорошо, что сохранились эти самые «потрясающие тексты» с вопросами, на которые пыталась ответить Зоя, с ее размышлениями... Обычные листы А4, пронумерованные от 1 до 56. Напряженная работа, а потом в течение трех лет, с 2009 года, выходили материалы в «Новой Газете» с большими заголовками — «Книжечка»... До той поры, пока не нашлась Ольга Михайловна Раницкая, автор этого лагерного дневника, похожего на молитвенник, с названием «Метео-чертик. Труды и дни»...

А вопросы в заметках Зои Ерошок так и остались открытыми. Вопросы, теперь уже обращенные в вечность:

Книжечка — символ, который до нас дошел. Маленькая вещица. Свидетельство против Сталина?/

Как из маленького объекта вырастает коллективная память?/

Они были обречены на забвение? Забвение и бесследие. /

Ахматова: «Дайте список!»

Вот — одна из списка. /

А последняя записка под номером 56 звучит, как завещание Зои нам:

Видеть
Хорошее
Передавать
его
Держаться
За
Него.

— 5 —
Как из маленького
объекта вырастает
коллективная
память?

1946. Лейбов
Але кейнті: вневис
и вувренима.
Книжечка — символ,
который до нас
дошел.
Свидетельство
— и память?
Маленькая вещица.
Свидетельство против
Сталина?
Для свидетелей —
универсальные.
Тарема (?) X 1946
Несколько списков, а не
один.

-9-

Вот там

офигенно из
забвение?

забвение, бесче-
стье...

-10-

Ахматово:

"Войне
Смолк."

Вот - опис из
#СМЛКА.

-11-

Смман мужик.

Смман смну.

Смман нзмлгас
нас).

(отмши)

-17-

безг а'

Смну, нзмг-

нес без'

расекамер.

Вот реде,

Смман, маз

орез, стрел

позам.

-27-

~~Смер Сталина
и
Офенского
Ремонда~~

-33-

~~Вам закон-
ремное.
Смер немочен-
ков.~~

-38-

~~Как это
успеет
успешить?
Смер мило.
сопротив-
ления~~

-39-

~~Бесплатность
перелом.
Ме Ремонд
- Знам.
Потому -
не умирает.~~

-80-

История
Зуб

Киммерия
-Симья
История
(История)

-57-

История
Зуб
История

История
История
(История)
История
История.

-54-

История

История
История.
История.
История.
История.
История.

-56-

История
История.
История.
История.
История.
История.

Государственный музей истории ГУЛАГа и «Новая газета» благодарят всех, кто помог подготовить это издание:

Светлану Байнову, директора Музея памяти жертв политических репрессий п. Долинка (Казахстан) и всех сотрудников музея

Андрея Когута, директора отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины

Жаннету Перцеву, директора Музея истории Харьковского медицинского университета (Украина)

Анну Редькину, руководителя экспозиционно-выставочного отдела Музея истории ГУЛАГа

Арсения Рогинского, председателя правления правозащитного общества «Мемориал»

Варвару Усаневич, координатора Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа

Василия Христофорова, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН

Над расшифровкой материалов работали:

Елена Васневская
Анна Витошнова
Анна Городецкая
Валентина Дегтярь
Марина Дмитриева
Софья Дьяченко
Анна Завина
Катерина Красоткина
Александра Курлова
Алла Новикова
Людмила Орленева
Татьяна Орлова
Екатерина Сахнова
Мария Снегова
Валерий Сысоев
Наталья Филиппова
Леонид Черняк
Мария Щукарева

Метео-чертик. Труды и дни. Рукописная книга-дневник, созданная в Карлаге, и история жизни ее автора — Ольги Михайловны Раницкой

Издание второе

Татьяна Полянская,
старший научный
сотрудник Музея истории
ГУЛАГа, кандидат
исторических наук,
научный редактор-
консультант

Майванд Касем Дад,
аннотации и интервью

Алена Сханова,
редактор

Инна Кроль,
Юлиана Староверова,
корректоры

Настя Яруллина,
оформление

Роман Суслов,
фотограф

Владимир Семенов,
цветокорректор

Светлана Пухова,
координатор
издательской программы
Музея истории ГУЛАГа

Музей истории ГУЛАГа
127473, Москва,
1-й Самотечный
переулок, 9, стр. 1.
+7 495 681 88 82,
+7 495 621 73 10
www.gmig.ru

Фонд памяти
127473, Москва,
1-й Самотечный
переулок, д. 9, стр. 1
www.memoryfund.ru

Новая газета
101990, Москва,
Потаповский переулок, 3
+7 495 926 20 01
www.novayagazeta.ru

Отпечатано
в типографии
«Август Борг»
+7 495 787 06 77
www.augustborg.ru

Печать офсетная
Тираж 1000 экз.